

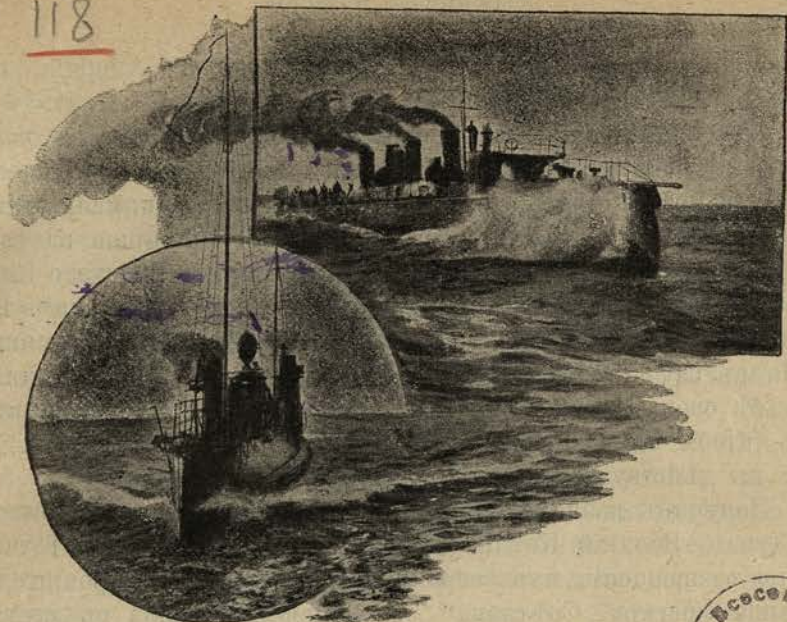
И 304
118

Ю. В. Арсеньевъ.

ПОХОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ
моряка Гвардейскаго Экипажа
1877 - 78.

U 304
118

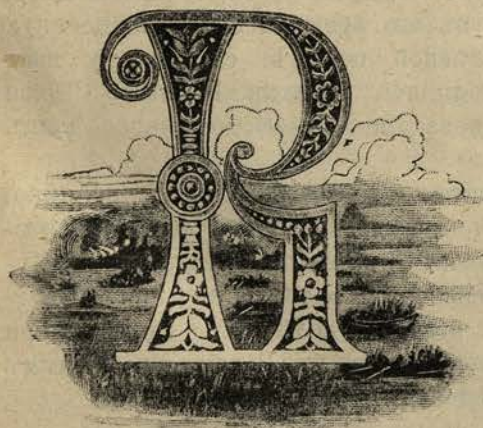
Изъ пережитаго.

6544.45

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Посвящается незабвенной памяти Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича, Августѣйшаго Командира Гвардейскаго Экипажа).

скорѣ послѣ объявленія войны съ Турціей, наша эскадра, подъ флагомъ свиты Е. В. контръ-адмирала И. И. Буткова 2-го, состоявшая изъ фрегата „Святлана“ и корветовъ „Богатырь“ и

„Аскольдъ“, 26 мая 1877 г., послѣ мѣсячнаго океанскаго пе-

рехода подъ парусами, отъ береговъ Сѣверной Америки прибыла въ Брестъ, во Франціи.

Здѣсь дошли до насъ первыя извѣстія съ театра войны о подвигѣ нашихъ моряковъ Дубасова и Шестакова и о блестящей переправѣ чрезъ Дунай, въ которой принимали также столь видное участіе моряки. Вскорѣ затѣмъ пришло извѣстіе, что Государь вызываетъ въ дѣйствующую армію Великаго Князя Алексѣя Александровича, командира фрегата „Свѣтлана“. Разставаясь съ фрегатомъ въ Брестѣ, послѣ двухлѣтняго командованія въ заграничномъ плаваніи, Великій Князь, снисходя къ просьбѣ своихъ офицеровъ и команды, обѣщалъ исходатайствовать, чтобы Свѣтланская команда также вызвана была на Дунай, въ дѣйствующую армію.

Получивъ назначеніе начальника всѣхъ морскихъ командъ на Дунаѣ, Великій Князь исполнилъ свое обѣщаніе. Тотчасъ же по возвращеніи изъ заграничнаго плаванія въ Кронштадтъ, команда фрегата „Свѣтлана“ съ офицерами вошла въ составъ отряда Гвардейскаго экипажа и отправилась на Дунай подъ начальствомъ флигель-адъютанта Головачева, на соединеніе съ тою частью Гвардейскаго экипажа, которая уже находилась на войнѣ съ самаго начала ея и уже ознаменовала себя боевыми подвигами во время переправы.

Прибывъ на Дунай, отрядъ Гвардейскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки расположился лагеремъ въ дубовомъ лѣсу, близъ деревни Слободзеи, противъ Руцука. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, пожелавшій раздѣлять съ своими моряками трудности лагерной жизни, имѣлъ здѣсь свое пребываніе. Дубовая роща, или просто „Дубки“, какъ прозвали ея наши матросы, представляла въ это время весьма оживленную картину. Среди лагеря, на лѣсной полянѣ, слывшей у насъ „дворцовой площадкой“, находились палатки Великаго Князя и флигель-адъютанта Головачева, позади расположился нашъ походный обозъ.

Къ этому времени относится начало походнаго дневника, который я велъ за всё время пребыванія моего въ дѣйствующей арміи, съ 25 іюля 1877 по 25 апрѣля 1878 года. На Дунай прибылъ я нѣсколько позже моихъ товарищей по „Свѣтланѣ“, такъ какъ оставался немного долѣе въ Брестѣ, при адмиралѣ Бутаковѣ, и вернулся оттуда въ Россію уже сухимъ путемъ для дальнѣйшаго слѣдованія на войну.

Путешествіе отъ С.-Петербурга до Дуная я совершилъ вмѣстѣ со старшимъ офицеромъ фрегата „Свѣтлана“, лейтенантомъ К. И. Лангомъ. Онъ былъ удержанъ въ Кронштадтѣ сдачею фрегата порту, и поэтому намъ и пришлось ѣхать въ дѣйствующую армію вмѣстѣ. 17-го іюля мы выѣхали изъ Петербурга по Варшавской ж. д.; 19-го были въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ намъ пришлось провести цѣлый день въ жидовской корчмѣ, близъ станціи, въ ожиданіи свободныхъ мѣстъ въ воинскомъ поѣздѣ, несмотря на то, что движеніе поѣздовъ было усиленное: по 84 поѣзда въ сутки, и притомъ въ составѣ до 50-ти вагоновъ.

Въ Жмеринкѣ 20-го мы встрѣтились съ поѣздами, переполненными ранеными изъ подъ Плевны и плѣнными турками—изъ Никополя. Въ нашемъ поѣздѣ ѣхалъ въ дѣйствующую армію извѣстный хирургъ, проф. Н. И. Пироговъ: почтенная и внушительная наружность его запечатлѣлась тогда въ моей памяти.

21-го утромъ были въ Раздѣльной, а въ 4 ч. дня прибыли въ Кишиневъ, гдѣ намъ пришлось пробыть до слѣдующаго утра и остановиться въ гостиницѣ, чтобы выправить у воинскаго начальника наши свидѣтельства для дальнѣйшаго проѣзда черезъ границу, на Унгены.

Широкія немощенныя улицы, обширныя площади и базары Кишенева, напоминающаго во многомъ турецкіе города и переполненнаго самымъ пестрымъ населеніемъ изъ хохловъ, цыганъ-молдаванъ и жидовъ, — все это исчезало въ облакахъ какой-то непроглядной, стихійной пыли. Зной при этомъ былъ невыносимый.

22-го въ 6 ч. утра выѣхали изъ Кишенева на Унгены. Съ нами ѣхало на войну нѣсколько военныхъ врачей и въ томъ числѣ весьма симпатичный проф. мед. хирург. академіи Лазаревъ, получившій назначеніе корпуснаго врача въ дѣйствующую армію. Завязался весьма интересный разговоръ о томъ, какими духовными побужденіями могутъ руководить участники настоящей войны. Самопожертвованіе, какъ потребность жить для другого и даже жертвовать своею жизнью для ближняго, свойственно человѣку и находить яркое проявленіе въ такія эпохи, какъ нынѣшняя война, начатая для освобожденія угнетеннаго христіанскаго народа отъ турецкаго насилія. Мысль эту весьма краснорѣчиво высказалъ и развивалъ проф. Лазаревъ.

Въ Унгенахъ ѣхавшихъ въ дѣйствующую армію офицеровъ распредѣлили по эшелонамъ. Нашъ эшелонъ, слѣдовавшій на

Плоешти, состоялъ изъ 6-ти человекъ, съ которыми мы и доѣхали до Яссы. Здѣсь намъ пришлось ждать поѣзда до слѣдующаго дня. Весьма кстати встрѣтили мы здѣсь морскихъ офицеровъ—лейтенантовъ Берхмана и Филисова, конвоировавшихъ минные катера, отправленные изъ Петербурга, съ завода Берда, на Дунай; ихъ задержали здѣсь на цѣлую недѣлю. Товарищи по оружію пригласили насъ къ себѣ въ вагонъ; угостили чаемъ и предложили и ночлегъ. Здѣсь же, въ Яссахъ, встрѣтились мы съ санитарнымъ поѣздомъ Императрицы, переполненнымъ ранеными изъ подъ Плевны; въ этомъ же поѣздѣ слѣдовалъ состоявшій при Великомъ Князѣ Алексѣѣ Александровичѣ (и плававшій съ нами на „Свѣтланѣ“) флигель-адъютантъ кап. 1 р. баронъ Н. Г. Шиллингъ. Онъ переломилъ ногу, упавши изъ опрокинувшейся коляски ночью, около Систова, и долженъ былъ ѣхать въ Россію для излеченія. Мы повидались съ нимъ, при чемъ К. И. Лангъ узналъ, что онъ замѣнитъ его временно при Великомъ Князѣ.

Раненые офицеры, возвращающіеся изъ подъ Плевны, производятъ тяжелое впечатлѣніе: настроеніе ихъ возбужденное и мрачное. Они рассказывали намъ довольно нескладно и отрывочно о томъ, какъ сначала нашимъ войскамъ удалось занять позиціи и предмѣстья Плевны (отрядомъ въ 4500 чел.), но затѣмъ вдругъ послѣдовало совершенно неожиданное для насъ наступленіе 30-ти тысячнаго турецкаго корпуса, тогда какъ наши развѣдчики сообщали только о 3000 чел.; тутъ начался убійственный огонь и градъ турецкихъ пуль, сыпавшихся какъ изъ мѣшка; наши дрогнули и при поспѣшномъ отступленіи потеряли болѣе 3000 чел. выбывшихъ изъ строя.

23-го іюля выѣхали мы далѣе на Плоешти и Бухарестъ, куда прибыли на слѣдующее утро 24-го и здѣсь пробыли цѣлый день въ ожиданіи поѣзда. И здѣсь было много раненыхъ офицеровъ, возвращавшихся изъ подъ 2-й Плевны, большинство ихъ въ пессимистическомъ настроеніи и подъ впечатлѣніемъ превосходства турецкаго оружія (Маузера и магазинки) надъ нашимъ. Узнали здѣсь извѣстіе о мобилизаціи гвардіи. Къ вечеру выѣхали мы на передаточномъ поѣздѣ на станцію Philaret, близъ города, откуда начинается линія къ Дунаю, на Фратешти. Здѣсь царилъ невообразимая суета. День былъ воскресный, и поэтому близъ станціи происходило народное гулянье съ музыкой, что какъ-то плохо мирилось съ толкотней и суетливыми сборами отправлявшихся отсюда на югъ до Журжева воинскихъ

и санитарныхъ поѣздовъ. До сихъ поръ звучить у меня въ ушахъ болѣзненный крикъ солдата, которому въ этой суетѣ обозъ переѣхалъ чрезъ ногу, при аккомпанементѣ этой совершенно неумѣстной здѣсь музыки. Мы вдвоемъ съ нашимъ спутникомъ, квартирмейстеромъ Руденко, едва втиснулись въ набитый биткомъ поѣздъ. Въ нашемъ вагонѣ ѣхалъ весь персоналъ санитарнаго поѣзда, снаряженнаго Остзейскими губерніями, отправлявшійся въ Зимницу.

Только около полуночи добрались мы до Журжева, такъ какъ поѣздъ шелъ малымъ ходомъ, не давая свистковъ, изъ опасенія привлечь вниманіе со стороны Рущука. Такой таинственности соотвѣтствовало и наше прибытіе на станцію Журжево, скудно освѣщавшейся нѣсколькими фонарями. При выходѣ со станціи мы очутились въ непроглядномъ мракѣ, съ трудомъ нашли носильщика для нашего ручнаго багажа и направились къ городу искать себѣ ночлега. Городъ погруженъ былъ въ совершенную темноту: ни въ одномъ домѣ не видно было огня, и мы подвигались по темнымъ, казалось вымершимъ улицамъ почти ощупью. Наконецъ добрались мы до какого-то зданія, представлявшаго въ ночномъ мракѣ фантастическій видъ какъ-бы полуразрушеннаго замка: это, оказалось, была гостиница *Belle-vue*, когда-то лучшая въ городѣ, съ видомъ на Дунай и Рущукъ, а теперь на половину снесенная турецкими бомбами. Чрезъ закрытыя ставни уцѣлѣвшаго нижняго этажа просвѣчивалъ тусклый свѣтъ какого-то ночника—единственный признакъ обитаемости этой руины.

Насъ впустили въ нее на ночлегъ очень неохотно и лишь послѣ настойчиваго нашего требованія, такъ какъ иначе намъ пришлось бы заночевать подъ открытымъ небомъ. Здѣсь мы все-таки нашли пріютъ въ комнатѣ съ провалившимся на половицу потолкомъ и двумя кроватями. Имѣвшійся у насъ чай пришлось заваривать въ рукомойникѣ за неимѣніемъ другой посуды. Насъ предупредили, что съ восходомъ солнца намъ придется отсюда убраться, такъ какъ съ утра обыкновенно начинается со стороны Рущука бомбардировка, и въ это время жители или покидаютъ Журжево, или же забиваются въ подвалы домовъ, хотя и здѣсь не всегда находятъ безопасное убѣжище отъ взрывающихся турецкихъ снарядовъ.

На слѣдующее утро, поднявшись съ разсвѣтомъ, мы успѣли съ городского бульвара полюбоваться на Рущукъ и разсмотрѣть расположенныя въ видѣ амфитеатра укрѣпленія его. Высоты преобладаютъ надъ крѣпостью и общая картина Ру-

щука очень внушительная, особенно въ виду его близости къ Журжеву.

Мы выѣхали изъ Журжева около 6-ти ч. утра въ наемной коляскѣ, по дорогѣ, проходящей недалеко отъ Дунайскаго берега на деревню Слободзею, совершенно опустѣвшую, гдѣ расположились наши батареи, обстрѣливающія Рушукъ. Дорога проходила полями кукурузы, уже созрѣвавшей; мѣстами мелькали сигнальные шесты. Вскорѣ прибыли мы въ дубовую рощу, или такъ наз. „Дубки“, гдѣ очутились среди старыхъ товарищей роднаго намъ гвардейскаго экипажа. Прибытіе наше вызвало общее оживленіе и посыпались разспросы и привѣтствія. Лагерь экипажа раскинулся въ дубовой рощѣ, вокругъ лѣсной поляны, гдѣ расположены палатки начальства.

Великій князь Алексѣй Александровичъ незадолго предъ тѣмъ уѣхалъ въ главную квартиру Цесаревича, но его ожидали обратно на другой день. Явился командиру экипажа флигель-адъютанту Головачеву и его помощнику, капитану 2 р. П. П. Новосильскому. Зачисленъ въ роту Его Высочества и помѣстился въ одной палаткѣ съ мичманомъ Александромъ Стемманъ.

26-го іюля. Дежурилъ по лагерю съ 6—12 утра. Обѣдалъ въ 6-й ротѣ, въ такъ называемой *кущѣ*, сплетенной изъ вѣтвей наподобіе бесѣдки. За столомъ было много разговору объ удачной военной фуражировкѣ мичмана Шкруфа, раздобывшаго гдѣ-то индѣйку и утокъ къ обѣду.

Вечеромъ въ лагерь возвратились Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Константинъ Константиновичъ. Явился Великому Князю Алексѣю Александровичу, котораго не видалъ со времени его отъѣзда съ фрегата „Свѣтлана“ въ Брестъ, и благодарилъ его за милостивый вызовъ меня на Дунай къ товарищамъ. Познакомился съ мичманомъ В. П. Персинымъ, сподвижникомъ Дубасова и Шестакова при взрывѣ ими турецкаго монитора; онъ очень забавенъ, обладая большимъ природнымъ комизмомъ. Разсказываютъ, что когда ему случилось на паровомъ катерѣ стать на мель подъ турецкимъ огнемъ, то онъ и тутъ балагурилъ. Великіе Князья привезли вѣсти изъ главной квартиры Цесаревича: всѣ войска наши стягиваются подъ Плевной, но атаковать ее пока не будутъ. Вся гвардія (кромѣ кирасиръ) мобилизуется.

27-го іюля. Рожденіе Государыни Императрицы и Великаго Князя Главнокомандующаго. Въ 8 ч. поздравляли Великаго Князя Алексѣя Александровича въ полной формѣ; затѣмъ былъ церковный парадъ, къ которому прибылъ въ лагерь генераль

Аллеръ, командующій всѣми войсками около Журжева. (Здѣсь расположена часть 32-й дивизіи, Изюмскіе гусары, саперы и казаки). У флиг.-ад. Головачева былъ завтракъ, на которомъ между прочимъ провозглашались тосты за георгіевскихъ кавалеровъ нашего экипажа. А. Стемманъ поѣхалъ въ Парапаны къ брату своему Ө. Стемману, который командуетъ миноноснымъ катеромъ „Шуткой“. Станція катеровъ находится на турецкомъ берегу, на Мечкѣ, гдѣ лѣвый флангъ отряда Цесаревича. Дежурилъ по лагерю отъ 12—6 ч. ночи и обходилъ посты, расположенные на опушкѣ роши, гдѣ начинаются кукурузныя поля.

28-го іюля. Отдохнувши послѣ дежурства, отправился въ 3 ч. въ Журжево съ товарищами, гдѣ дѣлалъ покупки. Познакомился здѣсь съ ген.-м. Боресковымъ, завѣдующимъ всѣми минными загражденіями на Дунаѣ: онъ очень добродушный и симпатичный человѣкъ; при немъ состоитъ лейтенантъ гвард. эк. А. А. Бартошевичъ. На возвратномъ пути изъ Журжева въ лагерь наши румынскіе возницы устроили скачку вперегонки; здѣшніе лошади прекрасно бѣгутъ. По пути намъ встрѣтился длинный обозъ съ 2-мя паровыми катерами и 5-ю шестивесельными шлюпками, на биндюкахъ, слѣдовавшій изъ Камаски къ Парапанамъ. При этомъ транспортѣ находился мичманъ гв. эк. К. Д. Ниловъ, георгіевскій кавалеръ, и инженеръ-механикъ. Они отдыхали у насъ въ лагерѣ и за чаемъ рассказывали, что слышали сегодня ружейную перестрѣлку между Рущукомъ и Журжевымъ.

29-го іюля. Приѣхалъ въ лагерь изъ подъ Никополя поручикъ инж.-механикъ Владыкинъ. Онъ сообщилъ, что захваченные нами тамъ 2 турецкіе монитора исправляются. Части машинъ были заказаны во Франціи, въ Нанси и уже высланы, новыя палубы настилаются, такъ что одинъ мониторъ можетъ быть совершенно готовъ недѣли чрезъ двѣ. Сегодня изъ Рущука происходила пальба изъ орудій: турки пристрѣливались въ рѣку, ниже Журжева. Лейтенантъ А. М. Бутаковъ съ 150 чел. изъ 6-й роты отправляется въ Парапаны, гдѣ будутъ снимать мины. Погода измѣнилась: небо обложило и пошелъ дождь. Во время обѣда у Великаго Князя, къ которому я былъ приглашенъ, всѣмъ пришлось быть въ дождевикахъ, такъ какъ сильный дождь проникалъ даже чрезъ палатку. Къ ночи дождь еще усилился и въ рошѣ наступила непроглядная темень, хотъ глазъ выколи. Въ такую темноту мнѣ пришлось въ 12 ч. ночи вступать на дежурство.

Я только что успѣлъ обойти лагерь, какъ послышался крикъ, какъ будто доносившійся изъ ближайшихъ палатокъ ла-

геря: „ай, батюшки! турки въ лагерѣ, рѣжутъ!“ По всему вѣроятію это кто-нибудь изъ матросовъ спросонья поднялъ этотъ крикъ, самъ не сознавая, въ чемъ дѣло. Но крикъ этотъ былъ причиною не малаго переполоха въ лагерѣ, который увеличился отъ непроглядной темноты и проливного дождя. Флиг.-ад. Головачевъ приказалъ пробить тревогу, по которой экипажъ сталъ въ ружье: двѣ роты отдѣлены были въ цѣпь. Только съ разсвѣтомъ все успокоилось, когда выяснилось, что весь этотъ переполохъ имѣлъ паническій характеръ. Оказалось двое легко раненыхъ¹⁾. Большое счастье, что все это не имѣло худшихъ послѣдствій.

31-го іюля. Въ лагерь пріѣхалъ герой переправы, кап. 1 р. М. Д. Новиковъ. Обаяніе его личности между моряками огромное. Фигура его весьма внушительная и чувствуется въ ней севастопольская заправка. Довольно сказать, что это человѣкъ, умѣющій своимъ хладнокровіемъ подъ огнемъ передать такое же спокойствіе и другимъ. Очевидцы передавали мнѣ, что Модестъ Дмитріевичъ, проходя по Дунаю на катерѣ, подъ огнемъ турокъ такъ же спокойно умѣетъ дремать или курить, какъ у себя дома.

1-го августа. Дежурилъ по лагерю съ 6—12 утра. Съ пикетовъ передавали, что ночью слышна была ружейная стрѣльба со стороны Дунайскаго берега.

2-го августа. Погода исправилась. Въ 6 ч. вечера началась бомбардировка Рушукъ нашими батареями. Имъ разрѣшено выпустить по 10 снарядовъ на каждое 24-хъ фунтовое орудіе въ отвѣтъ турецкимъ батареямъ, первымъ начавшимъ пальбу, и для разрушенія турецкой паровой мельницы. Во время нашего вечерняго чая въ Рушукѣ возникъ пожаръ, что мы могли хорошо наблюдать съ вышки, устроенной на одномъ изъ дубовъ на опушкѣ нашей рощи. Турецкая батарея сбита нашими выстрѣлами и загорѣлся большой хлѣбный складъ; мельница же оказалась желѣзной, но ее разрушили. Къ намъ сегодня дошли слѣдующія военныя вѣсти: мы имѣли удачное дѣло на жел. дорогѣ между Рушукомъ и Разградомъ. Турко укрѣпились на очень выгодной позиціи въ Шипкѣ и отразили нападеніе турокъ. Плевну будутъ атаковать дней чрезъ десять. Въ Россіи создано ополченіе, которое займетъ крѣпостныя гарнизоны, а ре-

¹⁾ Были какіе-то не выясненные выстрѣлы со стороны поля кукурузы, направленные въ лагерь.

зервы двинутся сюда. Канонада продолжалась съ нашихъ батарей всю ночь. Турки молчали.

3-го августа. Съ разсвѣтомъ турки открыли сильную канонаду по нашимъ батареямъ и по Журжеву, гдѣ разрушили до основанія нѣсколько домовъ. Всѣ жители оставили городъ; одной женщинѣ осколкомъ снаряда оторвало руку. Къ полудню стрѣльба замолкла. Рассказываютъ о приключеніи съ румынами, хотѣвшими испытать неразорвавшіеся снаряды: нѣсколько чело-вѣкъ были убиты на мѣстѣ отъ послѣдовавшаго взрыва. Около 12-ти час. прибылъ въ нашъ лагерь Великій Князь Владиміръ Александровичъ въ сопровожденіи адъютанта гр. Шувалова и завтракали у Великаго Князя Алексея Александровича, послѣ чего оба Великіе Князя со своимъ штабомъ верхи отъправились на Слободзейскія батареи; здѣсь въ ихъ присутствіи сдѣланъ былъ одинъ выстрѣлъ изъ 8-ми дюймовой нарѣзной мортиры по турецкой блиндированной батарее. Нашъ снарядъ попалъ мѣтко въ самый гребень бруствера и сбилъ часового. Турки чрезъ $\frac{1}{4}$ часа отвѣтили однимъ же выстрѣломъ. Выходилъ съ гарде-мариномъ кн. И. В. Барятинскимъ на опушку рощи и далѣе въ поле, откуда мы въ зрительную трубу разсматривали Рушукъ. Мы разглядѣли большой турецкій лагерь, расположенный на высотахъ, командующихъ надъ городомъ. Тутъ же проходитъ шоссейная дорога. Правѣе виднѣется песчаный гребень: это *Леванъ-табія* — самое сильное изъ Рушукскихъ укрѣпленій, которое турки считаютъ неприступнымъ. Еще правѣе, къ рѣкѣ Лому — *Эюбъ-табія*. Наши батареи до сихъ поръ не пустили еще ни одного снаряда въ Леванъ-табію, чтобы турки во время предстоящаго общаго бомбардированія съ нашей стороны считали это укрѣпленіе безопаснымъ отъ нашихъ выстрѣловъ и укрылись туда. Между тѣмъ наши нарѣзныя мортиры и 8-ми дюймовыя орудія должны по расчетамъ хватать не только въ Леванъ-табію, но и въ лагерь, расположенный выше. Великій Князь Владиміръ Александровичъ привезъ извѣстіе, что Плевну будутъ штурмовать большими силами (отъ 85—100 тысячъ) съ осадною артиллеріею. Гвардейская кавалерія, идущая изъ Россіи, должна уже быть здѣсь 12 августа; гвардейская же пѣхота 6 августа выступаетъ изъ Петербурга.

Дежурилъ по лагерю съ 12 — 6 ночи съ лейтенантомъ Н. А. Астромовымъ. Ночь ясная, но холодная. На разсвѣтъ мичманъ Эбелингъ отправился съ подводами во Фратешти, чтобы конвоировать оттуда въ Петрошаны уголь для катеровъ.

4-го августа. Прибыль въ лагерь изъ Россіи лейтенантъ кн. Я. И. Шаховской, знакомый мнѣ по плаванію 1874 года на Свѣтланѣ, и вступилъ въ должность экипажнаго адъютанта. Экипажъ, который теперь въ полномъ составѣ, приказано переформировать на 4 роты. Командирами ротъ назначены: 1-й Его Высочества—лейт. С. И. Палтовъ, 2-й—А. П. Подъяпольскій, 3-й—А. М. Лавровъ и 4-й—К. П. Кузьмичъ. Я остался въ ротѣ Его Высочества, куда назначены мичмана: Великій Князь Константинъ Константиновичъ, кн. И. М. Оболенскій и А. А. Эбелингъ. Въ теченіе утра на турецкомъ берегу виднѣлись войска, которыя, какъ казалось, возвращались въ городъ съ какой то экспедиціи. Вечеромъ въ лагерь нашъ пріѣхалъ мичманъ кн. Н. С. Щербатовъ изъ Зимницы. Онъ тамъ съ лейт. А. Х. Кригеромъ, мичм. Е. Н. Голиковымъ и гард. В. Н. Тиле поочередно дежурятъ на брандвахтѣ (на бывшей турецкой шхунѣ). Поблизости отъ нихъ расположенъ лагерь морского отряда фрегата „Севастополь“.

6-го августа. Въ сосѣднемъ армейскомъ лагерѣ поймали шпиона-молдаванина, разузнававшего о численности здѣшнихъ войскъ. Великій Князь Константинъ Константиновичъ съ лейтенантомъ А. В. Ергомышевымъ ѣздилъ въ Журжево, а оттуда на островъ Чурой, находящійся между Рущукомъ и Журжевымъ. За этимъ островомъ появился турецкій однобашенный мониторъ съ 2-мя орудіями; онъ стоялъ раньше у самага Рущука и былъ маскированъ пароходами, теперь же онъ стоитъ на 2-хъ якоряхъ и очень близко къ острову.

7-го августа. Перебрался съ товарищемъ по палаткѣ Стеманомъ въ новое помѣщеніе на лѣсной лужайкѣ. Саперы вырыли намъ палатку, а потомъ мы устроили сверхъ палатки шалашъ изъ вѣтвей, отъ чего у насъ въ палаткѣ прохладиѣ при наступившей знойной погодѣ.

11-го августа. Лагерная жизнь идетъ своимъ чередомъ, невозмутимо и однообразно. Вотъ уже болѣе недѣли, что стоитъ невыносимый тропическій зной и у насъ въ лагерѣ стали заболѣвать эпидимическою дизентеріей. Приходится соблюдать большую осторожность въ пищѣ и питьѣ. У насъ устроилось свое маленькое хозяйство: завелась посуда, столъ и два складныхъ стула—все это куплено въ Журжевѣ. Обѣдаемъ и завтракаемъ мы въ нашей общей столовой бесѣдкѣ на правомъ флангѣ лагерь. Къ намъ въ палатку часто заходятъ товарищи, мичмана Персинъ, Н. Н. Арцеуловъ и Е. И. Аренсъ угоститься чаемъ и потолковать о томъ, о семъ. Въ послѣднее время роты экипажа

стали поочередно посылаться на военные прогулки за лагерь: отправляются часовъ въ 5 утра и возвращаются около 9-ти. Кромѣ того начались строевыя ученья, также по утрамъ. Вчера, 10-го, Великій Князь Константинъ Константиновичъ праздновалъ 19-й годъ своего рожденія и по этому случаю пригласилъ насъ всѣхъ къ себѣ на шампанское. Въ числѣ многочисленныхъ поздравительныхъ депешъ онъ получилъ таковую отъ Великаго Князя Главнокомандующаго съ извѣстіемъ, что отрядъ генерала Гурко со вчерашняго дня выдерживаетъ на Шипкѣ нападеніе 40 таборовъ турокъ и что наши молодцы до сихъ поръ держатся стойко.

Еще мы узнали изъ полученныхъ Великимъ Княземъ извѣстій, что Австрійскій императоръ послалъ нашему Государю и Милану Сербскому письменное увѣреніе, что Австрія не вмѣшается, если даже Сербія объявитъ Турціи войну. Греція послала свои войска къ турецкой границѣ подъ командою 2-хъ прусскихъ генераловъ.

Носятся слухи, будто турки ушли изъ Плевны, вокругъ которой сосредоточены наши главныя силы (до 110 тысячъ). Вчера въ сосѣдней румынской деревнѣ вспыхнулъ пожаръ и сгорѣло нѣсколько скирдъ хлѣба и двѣ-три хаты; съ помощью нашихъ матросовъ и армейцевъ пожаръ вскорѣ былъ потушенъ. Великій Князь Алексѣй Александровичъ ѣздитъ на дняхъ въ Бухарестъ, а сегодня поѣхалъ въ Никополь.

12-го августа. Въ 1-мъ часу ночи началось лунное затменіе, которое у турокъ чествуется особыми религіозными обрядами въ мечетяхъ. Въ это самое время съ нашихъ батарей открыли огонь, какъ было заранѣе предписано. Рассказываютъ, что въ Рушукѣ при этомъ поднялся страшный крикъ и вопль, который слышенъ былъ на нашемъ берегу. Это заставляетъ предполагать, что первые наши снаряды, направленные въ мечети, уложили не мало народу. Впрочемъ турки вскорѣ отвѣтили намъ сильною канонадой и повредили нашу батарею № 2. Ночью получена была депеша отъ Великаго Князя Владимира Александровича, извѣщающая о слѣдующихъ удачахъ нашихъ: 1) въ Шипкѣ наши отразили нѣсколько нападеній большихъ турецкихъ силъ; потеря непріятели доходитъ до 6000 чел., у насъ же—самая незначительная; 2) въ Сельви и въ Аясъ-Ларѣ (около Разграда) турки были также отражены со значительными потерями.

Жара сегодня цѣлый день стояла невыносимая. Вечеромъ около 400 чел. изъ нашего лагеря (матросовъ и саперъ) отпра-

вились на батарее для земляных работ, кажется на пострадавшей батарее № 2. Ночь совершенно свѣтлая, лунная; опасались, какъ бы турки не догадались открыть огонь по нашимъ. Это опасеніе какъ бы подтвердилось, когда слышались съ турецкаго берега одинъ выстрѣлъ за другимъ. Но вскорѣ выяснилось, что это была салютационная пальба по случаю какого-то праздника, кажется турецкаго новаго года. На Леванъ-табиі по этому же случаю развѣвается сегодня флагъ.

13-го августа. Ночью задулъ восточный вѣтеръ и поэтому сегодня хотя и жарко, но сносно. Утромъ я съѣздивъ въ Журжево, гдѣ сдѣлалъ закупки въ нашей излюбленной кондитерской, а затѣмъ отправился на вокзалъ для отправки писемъ. Въ то время, какъ ожидалось прибытіе поѣзда изъ Бухареста, началась изъ Рушукана канонада, вызвавшая общее бѣгство жителей Журжева. Командиръ станціи, майоръ Адовъ переполошился и ежеминутно ждалъ турецкой бомбы, каковыя его здѣсь навѣщаютъ перѣдко. Онъ предполагалъ было остановить поѣздъ во Фратешти, но канонада вскорѣ прекратилась и поѣздъ могъ безопасно прибыть въ Журжево.

14-го августа. Опять наступило безвѣтріе и нестерпимая жара. Въ лагерѣ получена депеша отъ Великаго Князя Алексѣя Александровича изъ Турну-Магурелли, предписывающая 2-й и 3-й ротамъ экипажа, состоящимъ почти исключительно изъ командъ фрегата „Свѣтлана“, немедленно выступить въ Петрошаны, гдѣ будетъ строиться мостъ черезъ Дунай для сообщеній Рушукскаго отряда. Сейчасъ же начались сборы и въ 6 ч. вечера обѣ роты подъ командою лейтенанта А. М. Лаврова выступили вмѣстѣ со своимъ обозомъ по указанному назначенію. Лѣвый флангъ лагеря сразу опустѣлъ. Я переселился въ свою 1-ю роту и помѣстился въ одной палаткѣ съ мичманомъ кн. И. М. Оболенскимъ. Въ лагерѣ насъ осталось теперь немного: 2 ротныхъ командира, 5 мичмановъ и 2 гардемарина: Е. И. Аренсъ, боевой сподвижникъ Нилова, и я. Дежурства теперь посуточные.

15-го августа. Въ лагерѣ былъ генераль Борековъ, пріѣхавшій изъ Горнаго Студеня: онъ сообщилъ подробности о дѣлѣхъ подъ Шипкой: наши молодцы отбили 14 атакъ турокъ. При этомъ великую услугу оказалъ старикъ ген.-лейтенантъ Кренкъ; за старостью, его не знали куда назначить, и онъ отпросился у Главнокомандующаго съѣздить на Шипку въ качествѣ охотника. Тамъ онъ устроилъ фугасы, на которые турки жестоко напались. Только что они вступили на возвышенность, какъ взорваны были средніе фугасы; они было кинулись вправо—опять

послѣдовалъ взрывъ, также и вѣтво произошло то же; однимъ словомъ турокъ легло, говорятъ, до 6000 чел.

16-го августа. Вечеромъ пріѣхалъ въ лагерь мичманъ А. Стемманъ изъ Петрошанъ, куда онъ возвращается завтра. Наши команды тамъ отлично устроились. Офицеры размѣстились по домамъ обширнаго села, команда—въ палаткахъ. Постройка моста начнется повидимому не ранѣе сентября, такъ-что дѣла тамъ покамѣстъ меньше, чѣмъ у насъ здѣсь.

17-го августа. Заболѣванія дизентеріей не прекращаются и нѣсколько нашихъ офицеровъ уѣхали лечиться въ Бухарестъ, такъ какъ здѣсь не могутъ оправиться. Сегодня возвратился къ намъ изъ Галаца кап. 2 р. П. П. Новосильскій, который былъ командированъ туда для осмотра затонувшаго тамъ турецкаго монитора. Онъ разсказалъ между прочимъ слѣдующій курьезный эпизодъ, характеризующій, насколько англичане строги въ соблюденіи мнимаго своего нейтралитета въ нашей войнѣ. Недавно въ Кюстенджи пришелъ съ моря англійскій корветъ „*Rapid*“ и наши моряки любезно провели его на рейдъ мимо нашихъ минныхъ загражденій. Командиръ корвета далъ обѣдъ нашему генералитету, но отъ отвѣтнаго обѣда отказался и на другой же день снялся съ якоря и ушелъ въ море. Корветъ еще ясно виднѣлся на горизонтѣ, какъ неожиданно появился турецкій броненосецъ, тѣмъ же путемъ, какъ и англичанинъ, вошелъ на рейдъ и осмотрѣвши наши позиціи, также ушелъ. Конечно, послѣ этого эпизода поспѣшили у насъ усилить въ Кюстенджи минныя загражденія; этимъ заняты теперь генералъ Боресковъ—желѣзная дорога отъ Кюстенджи до Черноводъ въ нашихъ рукахъ и по ней происходитъ правильное движеніе поѣздовъ. Сегодня же вернулся въ лагерь мичманъ Ниловъ. Отъ него узнали о взрывѣ турецкаго броненосца въ Батумѣ лейтенантомъ Макаровымъ. Слышно, что на дняхъ будутъ атаковать Плевну.

18-го августа. Часа въ 3 дня Великій Князь Константинъ Константиновичъ, мичманы Ниловъ и Персинъ и я отправились кавалькадой на Слободзейскія батареи. Проѣхали чрезъ деревню Слободзею, совершенно запустѣвшую и полуразрушенную турецкими бомбами. Наши старыя батареи 1854 г., слѣды которыхъ сохранились до сихъ поръ, находились позади деревни, а нынѣшнія—ближе къ берегу Дуная, среди баштановъ. Далѣе мы проѣхали мимо Слободзейской церкви, сильно пострадавшей отъ бомбъ, съ колокольнею о трехъ углахъ. Предъ нами открылся противоположный берегъ Дуная, песчаный и обрывистый, и са-

мый Рушукъ, ярко освѣщавшійся солнцемъ: можно было раз-
смотрѣть каждый домъ въ городѣ, который представлялся совсѣмъ
близко, рукой подать. Дуная отсюда почти не видно, такъ какъ
въ этомъ мѣстѣ простирается длинный и низменный островъ
Рамаданъ, заросшій травой и далѣе—кустарникомъ. Островъ
отдѣляется отъ нашего берега весьма узкимъ рукавомъ, кото-
рый можно почти перешагнуть. Вотъ почему кажется, что и до
Рушука можно дойти пѣшкомъ отсюда. Среди баштановъ съ
дынями, сильно заросшихъ высокимъ бурьяномъ, тамъ и сямъ
скрываются наши батареи, едва различимыя среди неровностей
почвы. Мы посѣтили и подробно осмотрѣли батареи №№ 7, 10
и 11, вооруженныя нарѣзными мортирами. Несмотря на свою
невзрачность, батареи эти наносятъ Рушуку весьма ощутитель-
ный вредъ.

19-го августа. Съ утра стало извѣстно, что нашимъ бата-
реямъ приказано прервать салютъ, который турки будутъ про-
изводить въ полдень по случаю байрама. Такъ и случилось: на
10-мъ выстрѣлѣ наши батареи прервали салютъ турокъ, кото-
рые послѣ этого замолкли. Но вотъ часа въ 4 дня изъ Рушука
началась сильная канонада: всѣ береговыя турецкія батареи,
числомъ до 10-ти, и Эюбъ-табія открыли сильный огонь по
Журжеву и по Слободзеѣ. Съ вышки, устроенной на опушкѣ
нашей дубовой рощи, мы могли вполнѣ видѣть общую картину
бомбардировки и отъ времени до времени взрывавшіеся въ
воздухъ снаряды. Залпы турокъ продолжались часовъ до 5-ти
и, насколько мы могли замѣтить, наши батареи отвѣчали слабо.
Послѣ зѣри, часовъ въ 8, канонада изъ Рушука опять возобно-
вилась и въ настоящую минуту, когда я пишу, въ темнотѣ
безпрестанно сверкаютъ молніи выстрѣловъ, а въ сторонѣ Жур-
жева виднѣется большое зарево вспыхнувшего пожара. Наши
батареи теперь стали отвѣчать турецкимъ также залпами. Въ
Журжевѣ, какъ слышно, разрушена церковь и есть убитые.
Осколки бомбъ долетали до вокзала желѣзной дороги, гдѣ наши
матросы грузили лѣсъ на подводы.

20-го августа. Лейтенантъ Кузьмичъ ѣздилъ сегодня во
Фратешти и видѣлъ тамъ раненыхъ офицеровъ изъ Шипки,
участвовавшихъ въ молодецкомъ дѣлѣ, гдѣ наши едва удержи-
вали проходъ, благодаря своевременно подоспѣвшему къ нимъ
подкрѣпленію. У турокъ при этомъ было изъ строя до 10-ти,
а у насъ до 4-хъ тысячъ. Въ непріятельскихъ рядахъ, по
разсказамъ раненыхъ офицеровъ, было очень много поляковъ и
венгерцевъ. Такъ напр., одинъ молодой офицеръ рассказываетъ,

что изъ турецкихъ рядовъ кто-то крикнулъ ему по-русски съ яснымъ польскимъ акцентомъ: „и ты, мальчишка, лѣзешь на приступъ!“, при чемъ онъ былъ раненъ въ руку. Одного нашего солдата взяли было въ плѣнъ, но затѣмъ отпустили, сказавъ ему: „передай своимъ, что они дерутся не съ турками“... Сегодня получена телеграмма отъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, что онъ вернется въ лагерь не ранѣе первыхъ чиселъ сентября.

21-го августа. Въ 10 ч. утра по случаю воскреснаго дня въ лагерь была отслужена обѣдница и затѣмъ благодарственный молебенъ священникомъ, прибывшимъ изъ армейскаго лагеря. Его пригласили потомъ къ намъ завтракать. Получено по телеграфу приказаніе отъ Великаго Князя Алексѣя Александровича—экипажу вмѣстѣ съ обозомъ приготовиться къ переходу чрезъ Дунай, въ составъ отряда Великаго Князя Владиміра Александровича. Ожидать дальнѣйшихъ распоряженій отъ него или же отъ Цесаревича. Флиг.-ад. Головачевъ запросилъ разъясненія, гдѣ будетъ переправа и что дѣлать съ больными. Вечеромъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ условился съ лейт. кн. Шаховскимъ и мичманомъ Персинымъ отправиться завтра утромъ, съ разрѣшенія командира, на рекогносцировку турецкаго монитора на островъ Чурой. Мнѣ также разрѣшено принять участіе въ этой экспедиціи; я отправлюсь впередъ, верхомъ, рандеву—въ Журжевѣ.

22-го августа. Выѣхалъ я изъ лагеря въ 6-мъ часу утра. Въ знакомой кондитерской въ Журжевѣ дождался я вскорѣ 3-хъ участниковъ рекогносцировки. Они пріѣхали въ коляскѣ и мы всѣ вмѣстѣ отправились къ Дунаю, къ городскому саду, около знакомаго мнѣ Hôtel Bellevue. Вблизи отсюда, около церкви, начинается спускъ къ узкому рукаву рѣки, отдѣляющему такъ называемый *русскій островокъ* отъ берега. На островокъ мы перешли чрезъ каботажныя суда, стоящія здѣсь на якорѣ (между ними двѣ морскихъ шебеки). Караульный офицеръ далъ намъ провожатаго, солдата. На островъ обыкновенно никого не допускаютъ и посты наши на немъ—секретныя. Пройдя мимо нашей батареи, мы опять перешли чрезъ узкій рукавъ рѣки и очутились на островѣ Чуроѣ. Онъ весь заросъ высокою и густою растительностью; едва замѣтная среди этой чащи тропинка идетъ далѣе вглубь острова, оставляя влѣво еще третій рѣчной рукавъ, который кажется болѣе широкъ и судоходенъ. Пройдя версты полторы, мы вступили въ тѣнь старыхъ дуплистыхъ ивъ, образующихъ густую рощу. Стволы и корни ихъ опутаны водо-

рослями, принесенными сюда рѣчными разливами, что придаетъ имъ фантастическій видъ, какъ будто подводнаго пейзажа. Пройдя еще съ версту вдоль разрушеннаго теперь телеграфа, соединявшаго Журжево съ Рущукомъ въ мирное время, мы достигли до какой-то сторожки и отсюда повернули влѣво по просѣлкѣ, ведущей къ Дунаю. Здѣсь мы оставили своего провожатаго: его бѣлая рубашка могла бы привлечь вниманіе турецкихъ часовыхъ. Пробираясь далѣе тѣнистою чащей, мы добрались до самаго берега и наконецъ увидали предъ собою главное русло Дуная, имѣющее здѣсь не болѣе 400 сажень ширины. На противоположномъ высокомъ берегу отчетливо вырисовывались: турецкая береговая батарея и далѣе дома и сады Рущукскихъ предмѣстій. По самому берегу ясно различались ложементы для стрѣлковъ. Подъ защитой батареи и въ очень близкомъ разстояніи отъ берега стоитъ небольшой и повидимому вполне исправный турецкій рѣчной мониторъ съ одною низкою башнею (кажется съ 2-мя орудіями вращающимися) и десантною картечницею на кормѣ.

Впереди монитора стоятъ 3 большихъ колесныхъ парохода съ опущенными трубами. Съ одного изъ нашихъ постовъ на Чуроѣ, скрытаго въ самой чащѣ ивняка, мы могли прекрасно рассмотреть и мониторъ, и другія подробности турецкаго берега. Часовой на турецкой батарее стоитъ какъ вкопанный, не сводя глазъ съ острова: при малѣйшемъ замѣтномъ ему шорохѣ въ кустахъ онъ прислушивается, а слышать можно почти всякій громкій звукъ, и мы ясно слышали говоръ людей и лай собакъ на турецкомъ берегу. Поэтому на нашихъ постахъ на Чуроѣ переговариваются вполголоса. На мониторѣ, который особенно привлекалъ наше вниманіе, мы могли рассмотреть на кормѣ картечницу, а между трубой и башней — какіе-то ящики, вѣроятно, со снарядами. Во время нашихъ наблюденій на палубу и на башню монитора выходили турки и посматривали въ нашу сторону. Наши солдатики, исполняющіе здѣсь аванпостную службу, рассказывали намъ, что по ночамъ турки на мониторѣ кричатъ: „Аллахъ“. На одинъ изъ пароходовъ грузятъ снаряды, а въ послѣднее время стали на берегу складывать лѣсъ и доски. Выше по Дунаю есть другой островъ, на которомъ находятся ближайшіе наши посты къ турецкому берегу, а позади того-же острова расположена наша батарея № 2. Удовлетворивъ вполне наше любопытство относительно монитора, представляющаго столь привлекательный объектъ для возможнаго военнаго подвига, мы пустились въ обратный путь. Насъ сопровождалъ до Журжева

командиръ Старооскольскаго пѣхотнаго полка, который несетъ здѣсь службу. Часовъ въ 10 мы были уже у себя въ лагерѣ и отдыхали отъ экспедиціи. Здѣсь мы застали пріѣхавшаго изъ Турна кап. лейт. К. И. Тудера, героя Систовской переправы. Онъ привезъ извѣстіе, что переходъ нашъ за Дунай еще не вполне рѣшенъ. Великій Князь отвѣтилъ Головачеву, что переправа наша предполагается въ Пиргосѣ, но что слѣдуетъ ожидать окончательнаго приказанія отъ него или отъ Цесаревича. К. л. Тудеръ привезъ награды нѣкоторымъ изъ нашихъ офицеровъ за минувшіе боевые подвиги. По этому случаю вечеромъ въ нашей бесѣдкѣ была устроена жжѣнка съ обычными пѣснями, на которую пригласили наше начальство. Сегодня пріѣхалъ изъ Зимницы лейт. Кригеръ. Мы имѣли съ нимъ совѣщаніе о мониторѣ, который утромъ разсматривали. Персинъ считаетъ, что взорвать его—дѣло относительно вовсе не трудное. Привезя въ Журжево катеръ и скрывъ ихъ за островомъ, можно было бы атаковать мониторъ совершенно неожиданно. Конечно, необходимо было бы предварительно сдѣлать еще нѣсколько рекогносцировокъ и промѣровъ. Но повидимому нашей жаждѣ боевыхъ подвиговъ еще не суждено получить удовлетвореніе. Въ данное время взрываніе мониторовъ признается несвоевременнымъ и лишь въ случаѣ измѣнившихся обстоятельствъ помышлять объ этомъ стало бы возможнымъ и имѣло бы шансы осуществленія.

23-го августа. Еще вчера кто-то привезъ изъ Журжева слухъ, будто Плевна взята. Сегодня фл.-ад. Головачевъ посылалъ Аренса разузнать объ этомъ достоверно. Но увѣ! оказалось совсѣмъ другое и весьма печальное. Турки сдѣлали вылазку изъ Плевны, которую у насъ не ожидали, и кажется нанесли намъ немалый уронъ. Говорятъ, мы потеряли до 2-хъ тысячъ чел. и 40 офицеровъ. Разказываютъ также, будто цѣль наша прозвѣвала турокъ и пропустила ихъ до самыхъ позицій—нападеніе было ночью. Это ужъ совсѣмъ печально: до сихъ поръ мы не плющали такъ, да и то скверно, что турки набрались смѣлости послѣ своихъ удачъ. Сегодня утромъ за Рущукомъ виднѣлся столбъ дыма и слышалась сильная канонада. Вскорѣ за тѣмъ можно было разглядѣть въ трубу артиллерію и войска, возвращавшіяся въ городъ. Съ 5—7 ч. вечера наши батареи открыли огонь по Рущуку; въ это время по большой дорогѣ, идущей по горѣ, лѣвѣе Леванъ-таби двигался какой то обозъ и войска. Нѣкоторые наши снаряды разрывались немного ниже Леванъ-таби и турецкаго лагеря, откуда высыпало

не мало войска. Турки отвѣчали со всѣхъ рѣчныхъ батарей и съ Эюбъ-табин. Во всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ бомбардировкахъ турки стрѣляютъ преимущественно по Журжеву, которое представляетъ имъ вѣрную цѣль; всѣ же наши батареи такъ хорошо скрыты мѣстностью, что турки цѣлиться по нимъ не могутъ и стрѣляютъ дистанціонными трубками, при которыхъ снаряды разрываются въ воздухѣ, на-лету. Только наша батарея № 2, находящаяся около роши, хорошо видна туркамъ. По ней стрѣляютъ двѣ сильныя турецкія батареи: блиндированная и каменная, и онѣ сбили у насъ на ней одно орудіе, при чемъ перебита была и орудійная наша прислуга (это случилось въ началѣ августа).

24-го августа. Часа въ 3 ночи разразилась сильная гроза съ проливнымъ дождемъ: молніи сверкали непрерывно болѣе $\frac{1}{4}$ часа. Послѣ этой грозы стало гораздо прохладнѣе, тѣмъ болѣе, что день сегодня облачный. Къ вечеру опять временами шелъ дождь. На турецкомъ берегу слышалась дальняя канонада. Лейт. Палтовъ, вернувшійся изъ Бухареста, привезъ наконецъ утѣшительное извѣстіе о взятіи нами Ловчи; говорятъ, что это отрѣзаетъ возможность отступленія Осману-пашѣ. Приѣзжавшій въ лагерь саперный офицеръ Бѣляевскій рассказывалъ курьезный случай съ нашими офицерами, лейт. Бутаковымъ и другими на Мечкѣ: ихъ приняли здѣсь почему-то за шпионовъ, переодѣтыхъ офицерами, и подъ конвоемъ привели къ дивизионному начальнику нашей позиціи, когда дѣло разъяснилось.

25-го августа. День сѣрый и очень холодный, совершенно осенній; въ палаткахъ приходится зябнуть; при этомъ что-то нездоровится, вѣроятно отъ рѣзкой перемѣны въ погодѣ. Съ 9 ч. утра наши батареи начали бомбардировку, которая по приказанію Цесаревича будетъ продолжаться два дня. Турки отвѣчаютъ. Въ 6 ч. вечера канонада стихла.

26-го августа. Погода опять поправилась: ясно, но не жарко. У меня почему-то заболѣлъ глазъ, что побудило меня съѣздить въ Фратешти, гдѣ находится госпиталь Краснаго Креста, чтобы тамъ посовѣтоваться съ докторами. Подъѣзжая къ станціи Фратешти, глазамъ представляется весьма оригинальная и оживленная картина: вдоль полотна желѣзной дороги образовался цѣлый городокъ изъ палатокъ, шалашей и бараконъ Краснаго Креста, около которыхъ тѣснятся обозы, подводы и группы солдатъ всевозможныхъ полковъ и родовъ оружія. Тутъ же виднѣются сестры милосердія въ своихъ бѣлыхъ чепцахъ и съ крестами на груди. Добавьте къ этому оглушительныя свистки

поѣздовъ, воинскихъ или пассажирскихъ, которые безпрестанно проходятъ въ ту или другую сторону, и вы получите нѣкоторое понятіе объ оживленіи, не прекращающемся здѣсь ни днемъ, ни ночью. Прибывающіе безпрестанно воинскіе поѣзда переполнены нашими молодцами солдатиками. Съ удалыми пѣснями и даже пляскою ѣдутъ они на предстоящій имъ тяжкій боевой подвигъ, подбодрая себя и боевыхъ товарищей; но встрѣчаются, конечно, и въ группахъ солдатъ унылыя лица, можетъ быть предчувствующихъ, что не суждено имъ вернуться въ родную матушку Россію, и многимъ придется сложить свои кости на боевыхъ поляхъ Болгаріи. Въ настоящее время чрезъ Фратешти слѣдуютъ послѣдніе полки 26-ой дивизіи, а за ними ждутъ, стрѣлковъ. На станціи я встрѣтилъ мичмана Эбелинга, который уже давно живетъ здѣсь для отправки угля въ Парапановъ для нашихъ катеровъ. Онъ здѣсь въ своей сферѣ, ухаживая за сестрами. Живетъ онъ въ вагонѣ вмѣстѣ съ лейтенантами Берхманомъ и Филисовымъ, которые добрались наконецъ со всѣми катерами до Фратешти, но еще не скоро, кажется, разстанутся со своимъ вагономъ. Они уже прожили въ немъ больше мѣсяца. У нихъ здѣсь собрались за чашкою чаю всѣ наличные моряки, въ томъ числѣ инженеръ-механикъ Владыкинъ, который вызывается экстренно Великимъ Княземъ въ Турнъ для окончательнаго исправленія тамъ нашихъ (бывшихъ турецкихъ) мониторовъ. Поѣздка моя имѣла благопріятный результатъ для моего глаза. Нашлась сестра милосердія, специалистка по глазнымъ болѣзнямъ, и вылечила его какими-то каплями, такъ что я могъ вернуться въ лагерь уже не кривымъ. Бомбардировка Журжева турками продолжается и сегодня. Лагерь нашъ все болѣе пустѣетъ, большинство офицеровъ разосланы въ командировки или же по-очередно ѣздить въ Бухарестъ для краткой передышки. Общее настроеніе нашего офицерства не веселое. Сегодня за вечернимъ чаемъ въ нашей бесѣдкѣ толковали о ходѣ войны. Положительно намъ не везетъ послѣднее время: съ Плевны все пошли неудачи и мы какъ будто помѣнялись ролями съ турками: до сихъ поръ они плошали, а теперь очередь за нами какъ будто. Послѣдній эпизодъ у Плевны далеко не утѣшителенъ. Къ этому еще присоединяется не совсѣмъ пріятное извѣстіе изъ Рушукскаго нашего отряда, а именно объ отступленіи корпуса Цесаревича отъ Рушука за Янтру. При этомъ берегъ Дуная отъ Лома до Мечки будетъ оставленъ, какъ слышно, нашими войсками. Это тѣмъ болѣе неожиданно, что въ Мечкѣ находился до сихъ поръ главный складъ нашей осадной артил-

лерии и инженерный паркъ, въ виду бомбардировки Рушукъ. У насъ недоумѣваютъ, что означаетъ это отступленіе и чѣмъ оно вызвано? По той же причинѣ постройка моста въ Петропанахъ отсрочена. Изъ всего этого ясно кажется лишь одно, что зимней кампаніи намъ уже не миновать. Въ такихъ обстоятельствахъ, каковы нынѣшнія, лучше уже не забѣгать впередъ: каждый день приноситъ свои заботы и свои надежды, а будущее представляетъ такую непроницаемую мглу, что предположенія ни къ чему не ведутъ. Одна лишь преданность волѣ Божіей и твердая вѣра могутъ дать спокойствіе духу. Бомбардировка опять длилась цѣлый день до поздняго вечера. Последніе залпы слышались еще въ 12-мъ часу ночи.

27-го августа. Вечеромъ вернулись въ лагерь изъ Турна кап. 2 р. Новосильскій и докторъ В. С. Кудринъ. Они сообщили свѣжія вѣсти, что Плевну бомбардируютъ уже 3-й день. Главная квартира Государя перемѣщена на 20 верстъ ближе къ Плевнѣ. Взятіе Ловчи имѣетъ для насъ весьма важное стратегическое значеніе, подготавливая паденіе Плевны.

28-го августа. Въ 12-мъ часу дня я отправился изъ лагера въ Журжево со взводомъ нашихъ матросовъ въ числѣ 30-ти чел. при 2-хъ унтеръ-офицерахъ, будучи назначенъ по дневному наряду къ производству работъ на желѣзнодорожной станціи. Прибывши туда, мы, по указанію коменданта станціи, тотчасъ приступили къ выгрузкѣ угля изъ вагоновъ, стоявшихъ на запасномъ пути, вблизи водокачки. Эта постройка, имѣющая высокую бѣлую трубу, служитъ обыкновенно цѣлью турецкимъ бомбамъ, когда стрѣляютъ по Журжеву. Часовъ до 3-хъ мы работали вполне успѣшно и успѣли выгрузить вагона два, когда вдругъ раздался первый орудійный выстрѣлъ съ турецкаго берега и вслѣдъ за тѣмъ началась частая бомбардировка Журжева. Уже нѣсколько бомбъ упало и взорвалось въ городѣ. Комендантъ успѣшилъ отправить стоявшій у станціи поѣздъ и уходя сказалъ мнѣ скорѣе кончать работу и если осколки бомбъ начнутъ ложиться близко отъ насъ, что весьма вѣроятно, то успѣшно уводить свой взводъ. Мы продолжали работу: оставалось еще высыпать уголь изъ одного вагона на скосъ полотна дороги, что и спѣшили докончить. Комендантъ снова подошелъ къ намъ и мы вмѣстѣ наблюдали эффектную картину бомбардировки, сопровождающуюся обычнымъ бѣгствомъ городскихъ обывателей, когда вдругъ раздался надъ нашей головой пронзительный свистъ снаряда и насъ вслѣдъ затѣмъ осыпало пылью и кусками затвердѣлой взрытой земли. Направленный въ нашу сторону сна-

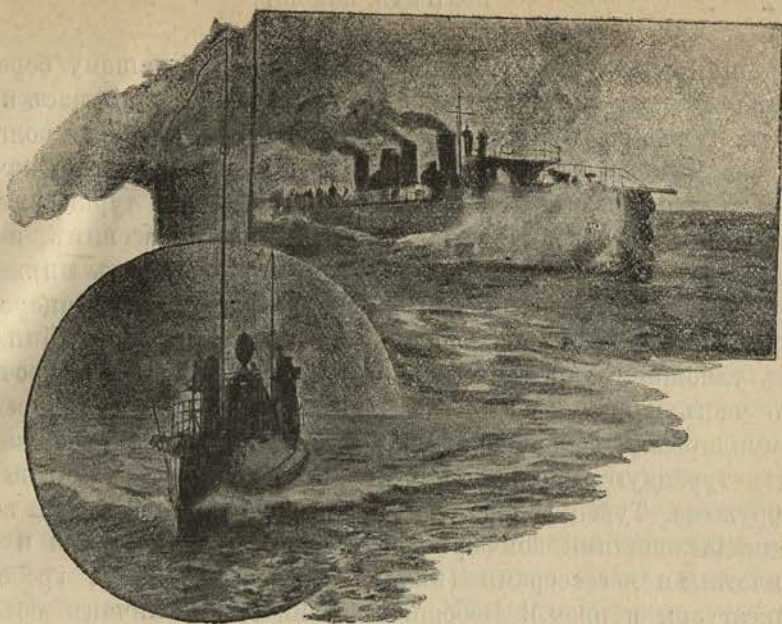
рядъ 12-го фунтоваго калибра упалъ всего шагахъ въ 5-ти отъ насъ, но на наше счастье не разорвался (что съ турецкими снарядами довольно обычно) и, сдѣлавъ два рикошета, окончательно зарылся въ землю около водокачки. Разорвись этотъ снарядъ на мѣстѣ перваго своего паденія, мы навѣрное не досчитались бы многихъ изъ нашего взвода. Снарядъ, столь счастливо пощадившій наши жизни, былъ вскорѣ найденъ и извлеченъ изъ земли. Онъ оказался коническимъ стальнымъ, со свинцовой оболочкою, каковыя употребляются въ морской артиллеріи. При осмотрѣ снаряда мы убѣдились, что капсюль въ немъ хотя и сгорѣлъ, но не далъ взрыва по причинѣ плохого снаряженія снаряда и отсырѣвшаго въ немъ пороха. Обмѣнявшись поздравленіями по случаю счастливаго избѣжанія опасности, мы, по совѣту коменданта, поспѣшили уходить, не дожидаясь повторенія испытаннаго, тѣмъ болѣе, что бомбардировка не утихала. Пока мы проходили чрезъ виноградники вблизи Журжева, насъ сопровождалъ свистъ и завываніе бомбъ, изъ которыхъ многія разрывались на нашихъ глазахъ. Во всю дорогу до лагеря между людьми нашего взвода не прекращался веселый говоръ, смѣхъ и шутки. Всѣ мы чувствовали какой-то внутренній подъемъ духа, искавшій себѣ виѣшняго выраженія въ обмѣнѣ впечатлѣній отъ пережитаго.

Въ лагерѣ послѣ вечерней зари прочитанъ былъ приказъ Главнокомандующаго, строго воспрещающій всякаго рода мародерство, подъ страхомъ смертной казни.

Юрій Арсеньевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ пережитаго.

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Продолженіе; см. № 6—7).

29 августа. Въ полдень я опять выступилъ изъ лагеря со взводомъ на смѣну Аренсу, который продолжалъ съ утра мою вчерашнюю работу на Журжевской станціи. Сегодня все обошлось благополучно и бомбардировка началась, когда я уже окончилъ выгрузку 4-хъ вагоновъ и повелъ людей обратно. Распространившійся было слухъ о взятіи Плевны не подтверждается, но кажется лишь пока; теперь дѣло ведется основательнѣе и мы хотимъ предварительно раскатать турокъ артиллерійскимъ огнемъ, а потомъ уже штурмовать Плевну.

На Журжевской станціи встрѣтился я съ лейт. Филисовымъ, который прошлую ночью производилъ промѣръ подъ Рушукъ на гребной шестеркѣ: гребцы были изъ нашей Свѣтланской команды и въ томъ числѣ юнкеръ Слингерь. Филисовъ пустился по Дунаю отъ Парапанъ мимо Рушукъ и прошелъ въ 70-ти саженьяхъ отъ знакомаго намъ монитора. Этотъ по-

слѣдній, кстати сказать, вчера подходилъ къ нашему берегу и стрѣлялъ по Журжеву. Снарядъ, едва не задѣвшій насъ вчера, былъ, говорятъ, пущенъ съ монитора. Такая активная роль монитора можетъ быть обратить на него вниманіе нашего начальства и намъ разрѣшать его взорвать. Кажется турки уже начинаютъ забывать острастку, данную имъ Дубасовымъ и Шестаковымъ, и пора имъ опять напомнить о нашихъ минахъ.

Мнѣ удалось разспросить одного драгунскаго офицера изъ отряда генерала Гурко, ѣдущаго въ отпускъ изъ Шипки, о ихъ тамошнемъ житьѣ-бытьѣ. Онъ разсказалъ, между прочимъ, что часть нашей пѣхоты тамошняго отряда одѣта въ турецкую обмундировку, захваченную нами въ Казанлыкѣ. Онъ очень хвалитъ турецкую гвардію, которая превосходно обмундирована и вооружена. Турецкіе офицеры, по его словамъ, снабжены всѣми принадлежностями комфорта: превосходными палатками и даже туалетными несессерами (въ которыхъ есть разные гребешки, фиксажуры и проч.)! Вообще заботливость англичанъ объ ихъ друзьяхъ-туркахъ замѣтна во всемъ. Въ одномъ лишь они оказались непредусмотрительными: жалованье, которое они также разсчитали вѣроятно на всѣхъ, до турецкой арміи не доходить, оставаясь въ рукахъ высшихъ турецкихъ сановниковъ.

Мой знакомецъ, драгунскій офицеръ, относится критически къ движенію Гурко за Балканы, на Казанлыкъ и Ямболъ, и считаетъ его стратегической ошибкой. Когда это движеніе было предпринято генераломъ Гурко, нельзя было еще помышлять объ общемъ наступленіи нашихъ силъ за Балканы, а между тѣмъ, когда намъ пришлось затѣмъ отступать, то турки вырѣзали и опустошили всю эту мѣстность и превратили Казанлыкскую долину, прославленную „долину розъ“, въ поле развалинъ и гниющихъ труповъ. Теперь, если придется намъ итти въ Румелию, то по этому пути уже немислимо подвигаться. Сегодня въ Фратешти прибыли первыя части гвардіи (послѣ насъ)—три гвардейскихъ стрѣлковыхъ батальона; на дняхъ они прослѣдуютъ мимо насъ и перейдутъ черезъ Дунай у Зимницы.

30 августа. Стало извѣстно, что завтра гвардейская стрѣлковая бригада прослѣдуетъ мимо нашей роши, изъ Фратешти на Путиней. Рѣшено, что вся наличная часть нашего Гвардейскаго экипажа (который также принадлежитъ къ гвард. стрѣлковой бригадѣ), т.-е. 2 наши роты встрѣтятъ стрѣлковъ на шоссе и здѣсь, на привалѣ, предложена будетъ офицерамъ стрѣлковъ закуска, а нижнимъ чинамъ—чай съ пирогами. Въ виду этого флиг.-ад. Головачевъ поѣхалъ въ Фратешти, чтобы условиться

съ командующимъ бригадою ген.-ад. Эллисомъ. Мичманъ Персинъ, на котораго возложена была хозяйственная часть угощенія, пригласилъ меня съѣздить съ нимъ въ Журжево, гдѣ мы успѣли до бомбардировки сдѣлать закупку винъ и закусокъ. Въ лагерѣ былъ сегодня юнкеръ Слингеръ и рассказывалъ, что прошлую ночь онъ съ лейт. Филисовымъ дѣлали попытку подняться на шлюпкѣ въ Парапаны, вверхъ по Дунаю, но въ темнотѣ приткнулись къ мели. Въ это время подходилъ къ нимъ турецкій небольшой пароходъ и они принуждены были возвратиться въ Смарду, гдѣ находится старая желѣзнодорожная станція Журжева. Съ монитора ихъ кажется замѣтили.

31-го августа. Въ половинѣ 8-го утра обѣ наши роты выступили изъ лагеря съ хоромъ музыки. Изъ рожи мы направились по шоссе къ колодцу, возлѣ котораго виднѣется старинный каменный крестъ съ древне-болгарскою надписью. Здѣсь назначено было мѣсто для привала стрѣлковъ. Мичманъ Персинъ успѣлъ уже доставить сюда всѣ запасы и принадлежности для предполагаемаго угощенія. Мы прождали недолго, когда съ правой стороны по шоссе показались войска. При приближеніи стрѣлковъ, наши роты выстроились вдоль дороги развернутымъ фронтомъ, имѣя музыкантовъ на правомъ флангѣ. Грянулъ нашъ экипажный маршъ. Стрѣлки подходили по-баталіонно. Впереди бригады скакалъ ген.-ад. Эллисъ, бодрый и симпатичный генераль, лѣтъ 50-ти, съ коротко остриженными сѣдыми бакенбардами. Нашъ командиръ, фл.-ад. Головачевъ, подѣхавъ къ нему верхомъ, облобызался съ нимъ. Эллисъ привѣтствовалъ Гвардейскій экипажъ, какъ героевъ, которыми гордятся не только моряки, но и вся гвардія, и выразилъ надежду, что и стрѣлки будутъ подражать этому славному примѣру. Первымъ прошелъ батальонъ Ея Величества (команд. флиг.-ад. Гриппенбергъ), затѣмъ батальонъ Императорской фамиліи (команд. фл.-ад. графъ Клейнмихель) и, наконецъ, батальонъ Его Величества (команд. фл.-ад. Эбелингъ). За батальонами слѣдовали обозы и лазаретныя фуры. Стрѣлки производятъ впечатлѣніе вполне отборнаго войска: все народъ плотный, средняго роста и плечистый. Много старыхъ, уже сѣдыхъ солдатъ (изъ безсрочно отпускныхъ), изъ которыхъ нѣкоторые уже украшены Георгіевскими крестами прежнихъ кампаній. Одѣты они въ бѣлыя рубахи и черныя брюки, на головѣ — бѣлыя фуражки съ козырьками (кромѣ стрѣлковъ Импер. фамиліи, сохранившихъ свой головной уборъ — мѣховую шапку съ крестомъ). Стрѣлки вооружены берданками послѣдняго образца. Въ бригадѣ 2 знамени

и 4 хора музыки. Финскій батальонъ задержанъ былъ вербовкой и вскорѣ послѣдуетъ на войну за этими. Проходя мимо насъ, стрѣлковая музыка проиграла намъ маршъ. Батальоны остановились: начались радужныя привѣтствія между моряками и прибывшими изъ Россіи дорогими товарищами по оружію. Стрѣлки составили свои ружья и сняли ранцы вокругъ колодца, и наши матросы принялись потчевать ихъ чаемъ, а мы послѣшили пригласить офицеровъ къ столамъ, гдѣ разставлены были вина и закуски. Закусивъ, всѣ расположились какъ нельзя удобнѣе на пополахъ, разостланныхъ на травѣ: кто за чашкою чая, кто за стаканомъ добраго вина. Предложено было немало тостовъ, при чемъ генераль Эллісъ и командиры батальоновъ вспоминали громкіе боевые подвиги нашихъ моряковъ на Дунаѣ, и воодушевленное „ура“ оглашало воздухъ. Наши гости были видимо растроганы встрѣченнымъ ими здѣсь столь теплымъ и радужнымъ приемомъ. Они выражали намъ свое удовольствіе встрѣтить такое радушіе на чужбинѣ, предъ труднымъ походомъ, изъ котораго многимъ, быть можетъ, не суждено вернуться. При такихъ обстоятельствахъ люди сближаются особенно легко и всякая ласка и сердечность оцѣнивается гораздо болѣе и не скоро забывается... Стрѣлки продлили свой приваль у насъ нѣсколько долѣе, чѣмъ было предположено, и пробыли съ нами часа три. Послѣ сытнаго завтрака оставалось еще время для разговора и даже для пляски подъ музыку нашихъ хоровъ, игравшихъ поочередно. Всѣ развеселились, особенно когда пустились въ плясъ наши комики: мичманы Н. Н. Арцеуловъ и Персинъ и стрѣлковый офицеръ баронъ Врангель. Въ 1-мъ часу дня, послѣ нѣсколькихъ напутственныхъ тостовъ, началось разставаніе. Каждому изъ насъ пришлось облобызаться почти со всѣми офицерами бригады при пожеланіи имъ успѣшнаго похода и счастливаго возвращенія въ Россію. При выступленіи стрѣлковъ въ путь мы снова выстроились вдоль дороги, провожая ихъ громкимъ и дружнымъ „ура“. Генераль Эллісъ на прощаніе горячо благодарилъ экипажъ за радушіе, назвавъ его между прочимъ „грозою турецкихъ мониторовъ“. Сегодня вечеромъ бригада дѣлаетъ приваль въ Путинаяхъ, а завтра выступаетъ чрезъ Зимницу въ Горный Студень. Еще неизвѣстно, въ какой корпусъ будутъ зачислены стрѣлки. Къ вечеру пріѣхалъ къ намъ въ лагерь лейт. Берхманъ. Завтра въ ночь предполагается спустить на Дунай оба минныхъ катера, стоящихъ теперь еще во Фратешти; ихъ подвезутъ по желѣзнодорожной вѣтви почти до самаго Дуная, а далѣе потребуются нѣкоторыя земляныя работы для спуска

катеровъ на воду. Берхманъ просилъ для этого людей изъ нашей команды; по спускѣ катеровъ они немедленно разведутъ пары и пойдутъ къ Камаскъ.

1-го сентября. Часовъ въ 6 вечера на турецкомъ берегу, за горами, слышалась канонада, въ которой приняла участіе и Эюбъ-табѣя, а затѣмъ—и наши Слободзейскія батареи. Говорятъ, лѣвый флангъ корпуса Цесаревича опять занялъ свои старыя позиціи по р. Лому. Вечеромъ 100 чел. нашего экипажа подъ командою мичмановъ Арцеулова и Персина отправились на работу въ Журжево: тамъ предполагаютъ продолжить вѣтвь желѣзной дороги вплоть до Дуная для спуска 2-хъ миноносныхъ катеровъ, по распоряженію кап. 1 р. Новикова. Не совсѣмъ понятно, почему выбрано для спуска именно это мѣсто, въ виду самаго Рушука, гдѣ турки легко могутъ замѣтить эти приготовленія и помѣшать имъ. Атаковать турецкій мониторъ съ нашей стороны едва ли имѣется въ виду, такъ какъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, нашимъ батареямъ уже удалось его сильно повредить двумя удачно пущенными снарядами.

3-го сентября. Вотъ уже два дня прошло въ какомъ-то особенно томительномъ и напряженномъ ожиданіи. Ожидалось извѣстіе о рѣшительномъ дѣлѣ подѣ Плевною, которое предполагалось 30-го августа, но вотъ уже 4 дня прошло съ тѣхъ поръ, а извѣстій еще нѣтъ. Сегодня, къ тому же, вернувшійся въ лагерь изъ Бухареста лейт. Меньшиковъ привезъ неутѣшительную вѣсть, что генералу Скобелеву пришлось сдать взятые у турокъ раньше редуты и что потери наши у Плевны за послѣдніе дни уже достигли 6-ти тысячъ человѣкъ. Такія вѣсти тяжело и удручающимъ образомъ дѣйствуютъ на настроеніе духа. Досадно и то, что мы, моряки, обречены за послѣднее время на бездѣйствіе, которое можетъ продолжиться на всю предстоящую зиму. Ужъ зимней кампаніи теперь не миновать, что не подлежитъ никакому сомнѣнію. О возвращеніи въ лагерь Великихъ Князей Алексѣя Александровича и Константина Константиновича еще ничего опредѣленнаго не слышно. Погода стоитъ все такая же — жаркая днемъ и холодная по ночамъ.

4-го сентября. Сегодня вечеромъ былъ у насъ въ лагерѣ генераль Аллеръ, и, по его распоряженію, будетъ послана ночью стрѣлковая цѣпь подѣ командою мичмана Арцеулова, чтобы попытаться захватить лазутчиковъ, которые, какъ недавно замѣчено, переговариваются съ румынскаго берега съ Эюбъ-табѣей посредствомъ сигнальнаго фонаря; до сихъ поръ не

удается обнаружить виновных, которые тщательно скрываются въ кукурузныхъ поляхъ.

5-го сентября. Получилъ еще вчера разрѣшеніе отъ начальства съѣздить въ Бухарестъ дня на три, для необходимыхъ покупокъ и нѣкотораго отдыха отъ лагернаго однообразія. Выѣхалъ я изъ лагеря съ разсвѣтомъ, чтобъ поспѣть къ поѣзду изъ Журжева. Съ самаго выѣзда изъ нашей роши начались новыя впечатлѣнія, отъ которыхъ я за послѣднее время отвыкъ. Около шоссе попадалось множество рабочихъ съ тачками и лопатами для земляныхъ работъ по проведенію желѣзнодорожной вѣтви изъ Фратешти до Зимницы, которая должна поспѣть уже къ октябрю. Ее взялся строить еврей-банкиръ Соломонъ Поляковъ. Въ 7¹/₂ ч. утра поѣздъ тронулся изъ Журжева. Въ купѣ со мною ѣхали двое уполномоченныхъ Краснаго Креста. Одинъ изъ нихъ, г. Утинъ, слѣдовалъ прямо изъ подъ Плевны съ самыми тяжелыми впечатлѣніями о видѣнномъ. Онъ былъ очевидцемъ ужасной бойни 30-го и 31-го августа, когда у насъ выбыло, по его словамъ, болѣе 12-ти тысячъ человѣкъ. И при такихъ значительныхъ потеряхъ дѣло наше не подвинулось почти ни на шагъ! Правда, Гривицкій редутъ взятъ нами, но зато три редута, взятые Скобелевымъ, отданы были туркамъ, вслѣдствіе того, что ген. Зотовъ, несмотря на настойчивыя требованія подкрѣпленій, не прислалъ ни одного человѣка. Говорятъ, Скобелевъ плакалъ навзрыдь, когда отступалъ со взятыхъ имъ позицій. Отступление это происходило въ полномъ порядкѣ, даже съ музыкой... но при этомъ потеря въ войскахъ достигла 6-ти тыс. человѣкъ. Утинъ сообщилъ мнѣ извѣстія о дядѣ моемъ, кн. М. Р. Долгорукомъ, который также состоитъ уполномоченнымъ Краснаго Креста и находится подъ Плевною. Утинъ очень негодуетъ на безтолковыя распоряженія нашихъ санитарныхъ властей. У Зимницы онъ видѣлъ до 3-хъ тысячъ раненыхъ, которые по трое сутокъ лежатъ подъ открытымъ небомъ, безъ перевязки, безъ крова, даже безъ пищи (?) Но можно ли въ этомъ винить кого-нибудь, или же это неизбежные ужасы войны? До сего времени мы почти не имѣли столь значительныхъ потерь и справлялись съ ранеными, а теперь началось ужасное кровопролитіе не сотней, а тысячей людей и наличныя санитарныя средства оказываются недостаточными. Другой уполномоченный (фамиліи котораго не удалось узнать), ѣхавшій съ нами, возвращался прямо съ Шипки. По лицу его, сильно загорѣвшему, почти черному, замѣтно было, что ему давно не приходилось заниматься своею внѣшностью. По его словамъ, Габровскіе гос-

питали Краснаго Креста переполнены ранеными и сестры милосердія работаютъ тамъ, не покладая рукъ, иногда по нѣскольکو сутокъ безъ передышки. Перестрѣлка у Шипки не прекращается и турецкія „шальные пули“ продолжаютъ поражать у насъ людей.

Мы вскорѣ доѣхали до Фратешти. Здѣсь такъ называемый „городокъ раненыхъ“ въ настоящее время густо населенъ: не только въ палаткахъ и баракахъ, но и подъ открытымъ небомъ лежатъ длинными рядами раненые съ блѣдными страдальческими лицами, а изъ обозовъ продолжаютъ еще выносить вновь прибывающихъ на носилкахъ. Отсюда же непрерывно отправляются переполненные ранеными санитарные поѣзда въ Бухарестъ и далѣе. Въ Баньясѣ встрѣтились мы съ воинскимъ поѣздомъ, въ которомъ слѣдовала гвардейская конная артиллерія. Наконецъ, въ 12 ч. дня, мы прибыли на станцію Филаретъ, находящуюся на краю Бухареста. Отсюда городъ представляетъ очень живописный видъ: много красивыхъ домовъ и церквей, съ куполами и крышами изъ бѣлой жести, и между ними свѣжая зелень многочисленныхъ садовъ, окружающихъ городъ отовсюду. Въ Бухарестѣ очень много церквей и монастырей, изъ которыхъ нѣкоторые весьма древней архитектуры. Я остановился въ гостиницѣ *Otetelechano* на улицѣ *Mogoșoi*, считающейся главною: по ней расположены всѣ лучшіе магазины, гостиницы, а также княжескій дворецъ и театръ. Разыскавши въ городѣ нашихъ офицеровъ, лейтенанта барона Энгельгардта и поручика гв. саперъ Н. Э. Прескотта, мы вмѣстѣ обѣдали въ ресторанѣ *Hugues*, гдѣ видѣли нашего знаменитаго генерала Гурко, который ведетъ теперь гвардейскую кавалерію. Онъ имѣетъ весьма симпатичное лицо и бодрую, воинственную осанку: на видъ ему не болѣе 40 лѣтъ. Весь Бухарестъ въ настоящее время переполненъ нашею блестящею гвардіей: гусарами и уланами, которые производятъ подавляющее впечатлѣніе на городское населеніе своею красивою формою и молодцеватостью.

6-го сентября. Проснулся не особенно рано и пилъ кофе въ ближайшей кондитерской. Вскорѣ опять встрѣтился съ барономъ Энгельгардтомъ и мичманами А. Стемманъ и Е. Малютинымъ. Послѣдніе два пріѣхали сюда изъ Петрошанъ, или вѣрнѣе съ острова Батина на Дунаѣ, гдѣ они живутъ теперь съ отрядомъ нашего экипажа и гдѣ строится постоянный мостъ для сообщеній Рушукскаго отряда Цесаревича. На *Могшош* царило большое оживленіе: проходили съ музыкой и пѣснями два первыхъ полка гвардейской кавалеріи: Варшавскіе уланы Его Ве-

личества—любимый, говорятъ, полкъ Государя—и Гродненскіе гусары съ своимъ командиромъ, принцемъ Саксенъ-Альтенбургскимъ. Оба полка прошли молодцами и бодро, съ громкими пѣснями. Густая толпа покрывала тротуары, съ балконовъ и изъ оконъ домовъ офицерамъ бросали букеты и вѣнки. Позавтракавъ въ ресторанѣ гостиницы *Brofft*, гдѣ встрѣтился съ товарищами моряками, я затѣмъ поѣхалъ прокатиться въ коляскѣ по городу и далѣе, по загородному шоссе, по которому расположены виллы мѣстныхъ богачей и красивый паркъ, названный въ честь графа Киселева—его именемъ. Въ одной изъ здѣшнихъ виллъ живетъ теперь нашъ канцлеръ, князь Горчаковъ, и ежедневно совершаетъ здѣсь пѣшую прогулку въ сопровожденіи своего товарища, барона Жомини. Проѣзжая по Киселевскому парку мнѣ удалось ихъ встрѣтить. Почтенный канцлеръ шелъ медленною походкою, опираясь на руку какого-то молодого человѣка, а подлѣ него шелъ Жомини, напоминающій внѣшностью типъ Шатобріана. Возвращаясь въ городъ, я опять встрѣтилъ уличную толпу, собравшуюся посмотреть на турецкое знамя, взятое румынскими войсками на Гривицкихъ высотахъ подъ Плевною. Этотъ трофей только что привезли въ Бухарестъ и теперь съ музыкой проносили по городу. Знамя это—зеленаго цвѣта съ золотымъ полумѣсяцемъ и вензелемъ султана, и такую же бахромой. Румынскій офицеръ Popescu и солдатъ, участвовавшіе во взятіи этого трофея, которымъ румыны особенно гордятся, какъ первымъ своимъ боевымъ отличіемъ, оба получили наши Георгіевскіе кресты. Передъ княжескимъ дворцомъ военная процессія остановилась и знамя наклонено было до земли, при чемъ толпа пришла въ большой энтузіазмъ. За обѣдомъ у Брофта удалось мнѣ видѣть пріѣхавшаго сюда изъ подъ Плевны нашего „заколдованнаго отъ пуль“ генерала-героя Скобелева. Онъ еще очень моложавъ, на видъ лѣтъ 35-ти, съ свѣтло-бѣлокурыми бакенбардами. Онъ показался мнѣ блѣднымъ и разстроеннымъ. Здѣсь же я встрѣтилъ графа Александра Васильевича Олсуфьева, адъютанта Цесаревича, пріѣхавшаго сюда для свиданія съ женою. Отъ него узналъ я, что дядя мой, к.-адм. Дмитрій Сергѣевичъ Арсеньевъ, находится въ настоящее время въ главной квартирѣ Цесаревича, и я воспользовался любезнымъ предложеніемъ графа Олсуфьева, чтобы написать ему туда.

Въ ресторанѣ, вблизи отъ насъ, обѣдала компанія англичанъ и душой этого кружка являлся сухопарый и весьма несимпатичный англійскій военный агентъ, полковникъ Уэллестей.

Говорятъ, что онъ своею безтактностью и явно враждебнымъ отношеніемъ ко всему русскому уже навлекъ на себя общую антипатію, и въ главной квартирѣ ему уже не разъ давали чувствовать, что онъ тамъ лишній. Онъ носитъ англійскую гвардейскую кавалерійскую форму, которая однако не скрашиваетъ его непривлекательной фізіономіи съ выступающею впередъ нижнею губою.

Вечеръ я провелъ въ саду Рашки, гдѣ играетъ довольно порядочный оркестръ нѣмцевъ и поютъ шансонетки. Здѣсь я познакомился съ симпатичнымъ старымъ офицеромъ Кишинскимъ, участвовавшимъ въ Севастопольской кампаніи, затѣмъ служившимъ на Кавказѣ при кн. Барятинскомъ и наконецъ—въ Сербіи, куда онъ привелъ изъ Кіева дружину добровольцевъ. Какъ старый офицеръ Тобольскаго полка, онъ по прибытіи въ дѣйствующую армію изъ запаса представлялся своему шефу, Великому Князю Сергѣю Александровичу, въ Плоэшти и былъ имъ обласканъ при этомъ. Несмотря на то, что ему не болѣе 45 лѣтъ, онъ бѣлъ, какъ лунь, и носитъ длинную бороду; посѣдѣлъ онъ еще въ молодости отъ полученныхъ подъ Севастополемъ ранъ. Небольшой увеселительный садъ Рашки переполненъ былъ прибывшими изъ Россіи офицерами гвардейскихъ частей. Хотя они какъ-то механически хлопали шансонеткамъ, но выглядѣли далеко не весело...

7-го сентября. Сегодня прошли чрезъ Бухарестъ лейбъ-уланъ и лейбъ-гусары, а также конная гвардейская артиллерія. Оба эти полка выглядятъ далеко не такъ бодро, какъ вчерашніе; лошади у нихъ также сильно исхудали, сдѣлавъ усиленные переходы сюда отъ самой Жмеринки. Дѣлая свои покупки по магазинамъ, я встрѣтилъ родственника, князя Алексѣя Сергѣевича Долгорукаго, въ формѣ вольноопредѣляющаго 9-й пѣхотной дивизіи, украшеннаго солдатскимъ Георгіемъ. Онъ состоитъ ординарцемъ при генералѣ кн. Святополкъ-Мирскомъ, который сейчасъ также находится здѣсь и лечится. Его дивизія расположена у Сельви. Кн. А. С. рассказывалъ мнѣ о своей боевой службѣ, Георгія онъ получилъ на Шипкинскомъ перевалѣ, когда онъ только-что захваченъ былъ нашими. По пути сюда изъ Сельви онъ заѣзжалъ въ Бѣлу, гдѣ навѣстилъ брата, кн. Николая Сергѣевича Долгорукаго, а оттуда къ Плевнѣ. Здѣсь онъ былъ 30-го августа и вынесъ много тяжелыхъ впечатлѣній, хотя общаго понятія о ходѣ боя получить не могъ. Въ этотъ день былъ туманъ и моросилъ дождь. Можно было наблюдать только отдѣльныя ближнія войска и слышать сильную и неумолкаемую

канонаду. На пути отъ Плевны къ Систову кн. А. С. едва не попался въ плѣнъ башибузукамъ, которые стрѣляли по немъ. Вернувшись въ свою гостиницу, я собрался было спать, когда неожиданно пріѣхалъ изъ нашего лагеря мичманъ кн. И. М. Оболенскій. Онъ не нашелъ свободнаго номера и просилъ меня пріютить его. Съ нимъ пріѣхалъ его братъ, офицеръ конной артиллеріи кн. Александръ Оболенскій, состоящій ординарцемъ при Великому Князю Главнокомандующему. Цѣль его пріѣзда сюда—также „отдохнуть отъ Плевны“. Онъ много рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ за послѣдніе дни кровопролитныхъ боевъ, между прочимъ говорилъ о тяжеломъ контрастѣ между параднымъ обѣдомъ 30-го у Главнокомандующаго, за которымъ праздновались различныя боевыя награды и производства и провозглашались шумные тосты, и ужасною бойней, которая происходила въ это самое время въ нѣсколькихъ верстахъ разстоянія.

Все бывшіе за этимъ обѣдомъ, казалось, были въ самомъ невозмутимомъ и благодушномъ настроеніи. Одинъ только Государь не скрывалъ своего душевнаго волненія. Блѣдный и разстроенный, Онъ вздрагивалъ при каждомъ раздававшемся выстрѣлѣ. Кровопролитіе подъ Плевною сильно дѣйствуетъ на Государя и Онъ день ото дня становится все нервнѣе. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на Государя геройская смерть командира Архангелогородскаго полка, флиг.-адъютанта Шлиттера. Съ трудомъ сдерживая свое душевное волненіе, рассказывалъ объ этомъ Государь своимъ приближеннымъ: „Шлиттеръ сказать: передайте Царю, что я подарю ему редутъ... и исполнилъ обѣщаніе“... Голосъ Государя сильно дрожалъ при этихъ словахъ и слезы катились по блѣдному лицу Его. Да, тяжело быть свидѣтелемъ этихъ тысячей смертей, какъ ни право и свято дѣло, за которое льется эта кровь. И въ такіе тяжелые для любящаго сердца Государя дни вдвойнѣ тягостно должно быть Ему замѣчать вокругъ Себя мелкія интриги генераловъ и своекорыстныя исканія наградъ.

Много слышался я здѣсь въ эти дни, изъ разговоровъ офицерства, жалобъ на генерала Левицкаго. Его обвиняютъ въ томъ, что Скобелевъ вынужденъ былъ сдать туркамъ уже взятые имъ у нихъ редуты. Рассказываютъ, будто Скобелевъ имѣлъ послѣ того весьма крупный разговоръ по этому поводу съ Левицкимъ. Непопулярность послѣдняго между солдатами и офицерами такъ же велика, какъ популярность перваго. Говорятъ, солдаты прямо называютъ Левицкаго виновникомъ послѣдней неудачи. Даже защитники Левицкаго между офицерами при-

знають его за крайне самолюбиваго, упрямаго теоретика, который во что бы то ни стало требуетъ, чтобы война велась по его планамъ, которые онъ признаетъ гениальными, и не считается при этомъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла.

8-го сентября. Чрезъ городъ прошли сегодня еще два гвардейскихъ полка: конно-гренадеры и лейбъ-драгуны. Вмѣстѣ съ кн. А. С. Долгорукимъ сдѣлалъ визитъ нашему здѣшнему генеральному консулу, барону Стурту, въ надеждѣ узнать отъ него послѣднія вѣсти изъ подъ Плевны. Онъ очень любезно насъ принялъ и угостилъ чаемъ. О Плевнѣ сегодня никакихъ свѣжихъ извѣстій нѣтъ, а вчера получены были подробности объ отраженіи новой атаки Сулеймана-паши на Шипку, при чемъ онъ потерялъ 2 тысячи чел., а у насъ убитъ флиг.-адъютантъ кн. Мещерскій.

9-го сентября. Сегодня я расстался съ Бухарестомъ и въ 9 ч. утра выѣхалъ по жел. дорогѣ въ Журжево. Окрестности румынской столицы представляютъ большое оживленіе, вызванное войной. Въ Баньясѣ за эти послѣдніе дни сосредоточился громадный складъ снарядовъ для осадной артиллеріи, кажется, предназначенной для дальнѣйшей бомбардировки Рушукъ. Пора бы какъ слѣдуетъ попотчевать турокъ. Здѣсь же, въ Баньясѣ, есть госпиталь Краснаго Креста, гдѣ работаетъ моя родственница О. Р. Олсуфьева, съ которою мнѣ удалось повидаться нѣсколько минутъ. Въ вагонѣ я познакомился съ весьма интереснымъ и разговорчивымъ французомъ, который рекомендовался какъ корреспондентъ газеты „Temps“, M-r Henri de Lamothe. Онъ до сихъ поръ находился при нашей главной квартирѣ, въ Родишевѣ, подъ Плевною, а теперь спѣшитъ въ другую сторону, въ Рушукскій отрядъ: „pour assister à la prochaine bataille de Bjela“. Дѣйствительно, въ Бухарестѣ я слышалъ, что тамъ ожидается рѣшительное дѣло, и одинъ офицеръ сообщилъ мнѣ, что около Бѣлы стянулся корпусъ Цесаревича и къ нему же отправлена 26-я пѣх. дивизія и гвардейская стрѣлковая бригада. Противъ Цесаревича стоитъ сераскиръ Мехметъ-Али съ 80-ти тысячною арміей.

Около Фратешти встрѣтили мы опять длинные поѣзда съ Плевненскими ранеными. На этотъ разъ, какъ я слышалъ, много легко раненыхъ (большую частью—въ руку), которые могли даже прійти пѣшкомъ изъ Зимницы. Часовъ въ 12 прибыли мы въ Журжево, а въ 2 час. я былъ уже въ нашихъ „Дубкахъ“, гдѣ все засталъ попрежнему. Фл.-адъютантъ Головачевъ вчера уѣхалъ въ Турнъ къ Великому Князю Алексѣю Александровичу. Въ

лагерь вернулся Великій Князь Константинъ Константиновичъ изъ-подъ Плевны, гдѣ онъ былъ 30-го августа. Здѣсь все спокойно и бомбардировки за эти послѣдніе дни совсѣмъ не было. Погода стоитъ прекрасная. Нашъ лейтенантъ Хвостовъ, ѣздившій недавно въ главную квартиру, представлялся тамъ Государю, который сказалъ ему: „передай Мое спасибо товарищамъ за встрѣчу, сдѣланную Моимъ стрѣлкамъ“.

11-го сентября. Осень на дворѣ: сегодня почти непрерывно льетъ проливной дождь и небо свинцовое. На бѣду накладка моя протекаетъ мѣстами, такъ-что нѣтъ почти сухого угла; а кругомъ—грязь невылазная. Въ нашей столовой бесѣдкѣ также нельзя сидѣть безъ дождевика. Начинаются для насъ осеннія бѣдствія: теперь надо ожидать вскорѣ и наступленія холодовъ. Получилъ сегодня письмо отъ дяди, адмирала Д. С. Арсеньева, изъ Дольняго Монастыря, восточнѣ Бѣлы, гдѣ теперь находится главная квартира Наслѣдника Цесаревича. Онъ пишетъ мнѣ между прочимъ о возможности присоединенія Гвардейскаго экипажа къ Рушукскому отряду; но это будетъ, вѣроятно, не ранѣе того, когда наши военныя обстоятельства нѣсколько улучшатся. Часовъ въ 8 вечера на турецкомъ берегу, правѣ Рушука, вдругъ зажглись одинъ за другимъ сигнальные шесты и вслѣдъ за тѣмъ послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Часъ спустя повторилось то же самое, но уже и лѣвѣе Рушука показался яркій сигнальный огонь. Не разъяснилось пока, что означаютъ эти сигналы. Въ нашей дубовой рошѣ въ настоящее время сосредоточены генераломъ Аллеромъ болѣе значительныя силы. Сегодня прибыли и расположились лагеремъ возлѣ насъ еще 2 роты пѣхотнаго Путивльскаго полка, далѣе стоятъ Изюмскіе гусары и батарея полевой артиллеріи. Кромѣ того, въ рошѣ уже давно стоитъ осадный паркъ и саперы.

13-го сентября. Сегодня уѣхалъ въ Бухарестъ Великій князь Константинъ Константиновичъ, который слегка занемогъ. Стоитъ все та же тоскливая и сырая погода. Получены вѣсти, что подъ Плевною нами взять еще редутъ. Скоро прибудетъ въ главную квартиру графъ Тотлебенъ, вызванный по желанію Государя, и начнется подъ его руководствомъ правильная и болѣе обдуманная осада Плевненскихъ твердынь. Гвардейская пѣхота между тѣмъ продолжаетъ прибывать сюда: сегодня въ Фратешти прибылъ Преображенскій полкъ, гдѣ будетъ имѣть дневку. Вечеромъ на пути въ Турнъ пріѣхалъ къ намъ въ лагерь кап.-лейт. Ѳ. В. Дубасовъ, онъ состоитъ теперь на нижнемъ Дунаѣ въ отрядѣ кап. 1 р. Беклепова, съ которымъ кажется не ладить.

14-го сентября. Утромъ отправился я съ лейт. Хвостовымъ въ Фратешти къ прибывшимъ туда на пути въ Зимницу Преображенцамъ. Полкъ расположился лагеремъ на пригоркѣ, среди невылазной грязи. По дорогѣ двигались съ величайшимъ трудомъ полковые обозы, тщетно понукаемые возницами. Повидались съ знакомыми офицерами и пожелавъ имъ счастливаго похода, къ вечеру вернулись въ лагерь. Погода немного проснилась.

15-го сентября. Турки сообразили, вѣроятно, что мы забираемъ по утрамъ провизію изъ Журжева, и вотъ уже второй день, что они съ 6-ти часовъ утра стрѣляютъ по городу. По этой причинѣ въ отвѣтъ имъ и съ нашихъ Слободзейскихъ батарей въ продолженіе дня происходила пальба, которую уже давненько не слышали. Сегодня я дежурю по лагерю и занятъ былъ цѣлый день наблюденіемъ за постройкой нашей осенней столовой изъ цыновокъ и съ тесовою крышей. Постройкою руководилъ саперный унт.-офицеръ. Къ вечеру домъ нашъ былъ уже готовъ и мы могли обѣдать въ этой новой столовой, напоминающей японскую постройку, съ большимъ комфортомъ, независимо отъ погоды. Впрочемъ, сегодня погода ясная, но очень холодная; вѣроятно будетъ и морозецъ. Сегодня прибыли въ лагерь гардемарины кн. Бяратинскій и Тиле для сдачи назначеннаго намъ на дняхъ экзамена на производство въ мичманы. Узнали новость о назначеніи Кіевского генераль-губернатора кн. А. М. Дондукова-Корсакова командиромъ 13-го армейскаго корпуса. На дняхъ онъ пріѣдетъ сюда, желая по пути свидѣться съ сыномъ, юнкеромъ нашего экипажа.

17-го сентября. Утромъ вернулся въ лагерь изъ Турна к.-л. Дубасовъ съ важными новостями. При немъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ получилъ депешу отъ Главнокомандующаго, что турки готовятъ переправу у Калараша на Дунаѣ и уже выстроили тамъ часть моста между 4-мя островами. Великій Князь телеграфировалъ объ этомъ генералу Циммерману, который подтвердилъ это извѣстіе. Вслѣдствіе сего Дубасовъ получилъ отъ Великаго Князя опредѣленное приказаніе уничтожить строящейся турками мостъ помощью минъ; для этого Дубасовъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи румынскую канонерку „Fulgerul“ и 3 паровыхъ катера. Какъ слышно, ему понадобятся туда и офицеры. Сегодня утромъ при пальбѣ Руссукскихъ пушекъ состоялся въ лагерь нашъ мичманскій экзаменъ. Въ числѣ экзаменовавшихъ насъ былъ и Ѳ. В. Дубасовъ. Къ вечеру онъ уѣхалъ въ Браиловъ, откуда отправится въ Черно-

воды и немедленно приступить къ выполнению даннаго ему приказанія. По нѣкоторымъ слухамъ въ Каларашъ уже отправлена бригада для предупрежденія попытки турокъ къ переправѣ.

18-го сентября. Сегодня мы разстались съ поручикомъ л.-гв. сапернаго батальона Н. Э. Прескоттомъ и его полуротой гвард. саперъ, которые до сего времени состояли въ прикомандированіи къ нашему экипажу и дружно жили съ нами въ одномъ лагерѣ. Всѣ у насъ отъ души жалѣютъ, что отъ насъ уходитъ такой симпатичный и милый человѣкъ, какъ Николай Эдгаровичъ. Онъ получилъ приказаніе присоединиться къ своему батальону за Дунаемъ. Другая новость у насъ—это назначеніе къ Дубасову въ Черноводы нашихъ мичмановъ кн. Оболенскаго, Щербатова и Эбелинга. Объ этомъ назначеніи получена телеграмма отъ Великаго Князя. Въ Черноводахъ они будутъ уже послѣ-завтра и, вѣроятно, вскорѣ затѣмъ—въ дѣлѣ, такъ какъ Дубасовъ, какъ слышно, намѣренъ дѣйствовать безотлагательно. Наши мичманы—Свѣтланцы, вѣроятно, будутъ при этомъ командовать катерами.

19-го сентября. Кап. 2 р. Новосильскій съ нашею командой былъ занятъ сегодня исправленіемъ грунтовой дороги въ Петрошаны, куда рѣшено перевезти на биндюкахъ два уже упоминавшихся мною раньше миноносныхъ катера. Проектъ спускать ихъ на воду у Журжева оставленъ. Вечеръ я короталъ сегодня въ палаткѣ у гардемарина Аренса, у котораго всегда бываетъ превосходный чай и который притомъ понимаетъ „поэзію самовара“, особенно здѣсь, на чужой сторонѣ.

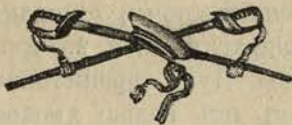
20-го сентября. Среди дня былъ въ лагерѣ, проѣздомъ изъ Россіи въ главную квартиру, Великій Князь Павелъ Александровичъ въ сопровожденіи генерала Литвинова. Роты наши были выстроены во фронтъ, и Великій Князь поздоровался съ командою громкимъ возмужалымъ голосомъ. Онъ ѣдетъ теперь за Дунай для свиданія съ Государемъ. Вечеромъ обѣ роты ушли изъ лагеря въ Фратешти для спуска одного изъ минныхъ катеровъ съ платформы. Его потащутъ быками прямо на полозьяхъ въ Петрошаны. Часовъ въ 9 послышались на Дунаѣ отдѣльные ружейные выстрѣлы и вслѣдъ затѣмъ два или три залпа, также ружейныхъ. Незадолго передъ тѣмъ съ верхнихъ Русшукскихъ батарей сигналили фонарями. У насъ, конечно, обратили на это вниманіе. Въ случаѣ нападенія намъ оставалось бы только отступать съ обозомъ, такъ какъ лагерь былъ почти совершенно пустъ. Ночь совершенно темная, безъ луны. Вскорѣ

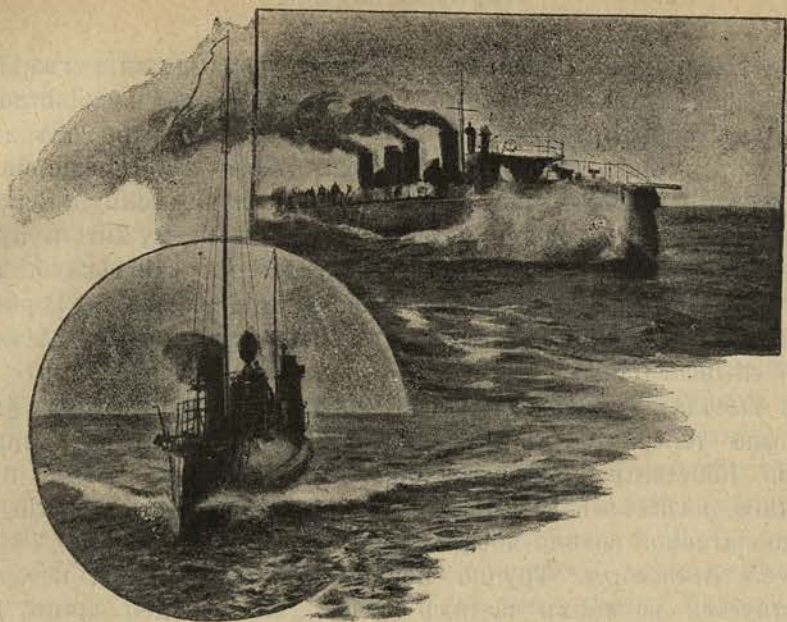
опасенія наши разсѣялись. Изъ Слободзеи дали знать, что эта стрѣльба была съ нашей стороны.

21-го сентября. Вчерашняя стрѣльба разъяснилась такъ: турки не оставили незамѣченнымъ приготовленный было для катеровъ на берегу, близъ Журжева, спускъ къ Дунаю и втихомолку возвели противъ этого мѣста на своемъ берегу батарею. Только вчера въ 7 ч. вечера, когда уже стемнѣло, прорѣзали они въ ней амбразуры: батарея оказалась въ 8 орудій. Кромѣ того, въ ожиданіи спуска нашихъ катеровъ у всѣхъ отмелей на Дунаѣ разставлены были турками шлюпки, а по берегу посланы были ими стрѣлковыя цѣпи. По этимъ послѣднимъ и стрѣляла вчера наша цѣпь, въ отвѣтъ на огонь турецкихъ стрѣлковъ, которые въ темнотѣ приняли складъ лѣса за катеръ и стрѣляли по нему. Здорово бы мы нарвались, если бы вздумали спускать катера въ предположенномъ мѣстѣ. Но надобно удивляться турецкимъ шпионамъ, которые такъ своевременно даютъ знать въ Рушукъ, что у насъ дѣлается; на этотъ разъ, впрочемъ, турки все же остались въ дуракахъ.

Юрій Арсеньевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ пережитаго.

Дневникъ моряка на Дунаѣ и въ сухопутномъ походѣ за Балканы.

(1877—1878 гг.).

(Продолженіе; см. № 8).

22 сентября. Еще прошлой ночью прибылъ въ нашъ лагерь ѣдущій изъ Россіи въ дѣйствующую армію генераль-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Его сопровождаютъ его сынъ, юнкеръ нашего экипажа, кн. Николай, и адъютантъ князя, капитанъ Скарятинъ. Они переночевали у насъ въ лагерь. „Уже 18 лѣтъ, что не ночевалъ въ палаткѣ“, — сказалъ князь А. М. нашему командиру Головачеву, а этотъ послѣдній изъ скромности умолчалъ, на которомъ году ему, моряку, въ первый разъ пришлось на своемъ вѣку испытать то же удовольствіе. Офицерство наше предложило князю, который очень любезно относится къ морякамъ, весьма роскошно сервированный завтракъ въ нашей лагерной каютъ-компаніи. Головачевъ за столомъ предложилъ тостъ за здоровье и боевые успѣхи генерала, дружно подхваченный всѣми нами. По слу-

хамъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ приметъ командованіе гвардейскимъ корпусомъ и въ этомъ случаѣ передастъ начальствованіе Руцукскимъ отрядомъ князю Дондукову. Этотъ послѣдній имѣетъ репутацію опытнаго кавказскаго генерала, онъ еще очень моложавъ и имѣетъ красивую, молодцеватую осанку. Вскорѣ послѣ завтрака, во время котораго играла наша музыка и пѣли пѣсенники, генераль уѣхалъ, сопровождаемый кавалькадой нашихъ офицеровъ. Сынъ князя сопровождаетъ его до Горнаго Студеня. Вернувшійся сегодня изъ Бухареста мичманъ Арцеуловъ слышалъ тамъ, что турки въ числѣ 200 человекъ сдѣлали высадку на нашу сторону Дуная у Калараша, куда уже прибыла теперь 24-я пѣх. дивизія съ артиллеріей. Великій Князь Константинъ Константиновичъ, по выраженному имъ желанію, назначенъ въ отрядъ Дубасова и приметъ участіе въ предполагаемой военно-морской экспедиціи у Силистріи.

23 сентября. Трудно понять причины застоя, который чувствуется во всѣхъ частяхъ нашей дѣйствующей арміи, начиная съ войскъ подъ Плевною и кончая болѣе скромнымъ дѣломъ морскихъ командъ нашихъ на Дунаѣ. Все чаще и чаще слышатся въ нашей „каютъ-компаніи изъ цыновокъ“ жалобы на наше невеселое положеніе здѣсь, какъ моряковъ. Дѣйствительно, морского дѣла здѣсь пока намъ не даютъ дѣлать: грузить уголь и лѣсъ, правда, часто подъ непріятельскимъ огнемъ, могли бы и не моряки. Земляныя работы на батареяхъ также болѣе свойственны саперамъ. Никопольскіе мониторы, взятые у турокъ, на которые мы, Свѣтланцы, возлагали такіе большіе надежды, все еще остаются какимъ-то мѣломъ. Тяги для нихъ (части машинъ), заказанныя уже въ 2-хъ экземплярахъ, все еще не получены: первые совсѣмъ пропали въ дорогѣ, а вторые задержаны въ Австріи. Такимъ образомъ мониторы не готовы до сихъ поръ, миноносные катера, прибывшіе изъ Россіи, не спущены, а между тѣмъ нашего Гвардейскаго экипажа ежедневно убываетъ, благодаря повальнымъ Дунайскимъ лихорадкамъ, свирѣпствующимъ на островѣ Батинѣ, гдѣ строится мостъ. А мы въ своей тоскливой теперь, въ осеннее время, дубовой рошѣ какъ будто совсѣмъ забыты... Пишу все это подъ вліяніемъ окружающаго настроенія умовъ: всѣ у насъ жалуются на бездѣйствіе и однообразіе.

День прошелъ сегодня опять чрезвычайно безцвѣтно. Все окружающее такъ же безотраднo, какъ и сѣрое грустное небо, которое напоминаетъ намъ о наступившей уже осени. Обѣдалъ у насъ въ лагерѣ генераль Боресковъ съ лейтенантами Берх-

маномъ и Постельниковымъ. Наши батареи изрѣдка перестрѣливались съ Рущукомъ.

24 сентября. Со вчерашняго дня испытываемъ мы въ нашей рошѣ настоящий штормъ; съ вечера задулъ очень порывистый W, сопровождаемый ненастьемъ. Къ утру вѣтеръ уже перешелъ къ O и наконецъ къ NO. Закупорившись въ своихъ палаткахъ, мы мало обращаемъ вниманія на погоду. Занимался чтеніемъ, согрѣваясь пріятною теплотою самовара и горячимъ чаемъ, въ то время, какъ внѣ палатки завывалъ вѣтеръ и стояла такая темь, что нельзя было отличить деревьевъ отъ ненастнаго осенняго неба. Каково то въ такія ночи нашимъ бѣднымъ солдатамъ, стоящимъ въ виду непріятеля на форпостахъ! Что же касается насъ, то едва ли наши сосѣди, Рущукскіе турки, сунутся въ такую погоду за Дунай: они для этого слишкомъ плохіе моряки.

26 сентября. Только сегодня начинаемъ мы оправляться отъ холода и ненастья двухъ послѣднихъ дней. Холодъ при сильномъ NO вѣтрѣ былъ до того рѣзокъ, что цѣлая стая ласточекъ, направлявшаяся на югъ, должна была остановиться въ нашей рошѣ, гдѣ бѣдныя птички цѣлыми десятками залетали въ нашу столовую, такъ что ихъ можно было брать руками.

Сегодня, наконецъ, буря стихла и нѣтъ дождя. По порученію командира я ѣздилъ верхомъ навстрѣчу миноносному катеру, который перевозятъ по шоссе съ помощью двухъ рутьеровъ (локомобилей); самый катеръ поставленъ на биндюги. Часть дороги до Парананъ придется тащить катеръ на волахъ. На турецкомъ берегу, за горами слышалась сегодня канонада, а затѣмъ изъ Рущука три раза раздавались пушечные салюты, вѣроятно по случаю новолунія. У насъ держится слухъ, будто сегодня наши войска Рущукскаго отряда перешли въ наступленіе и что Мехметъ-Али замѣненъ въ командованіи Сулейманомъ. Это было бы чрезвычайно для насъ выгодно. Мехметъ, говорятъ, отказался наступать съ тѣми войсками, которыми располагалъ, а Сулейманъ, уже уложившій свою армію подъ Шипкою, не прочь еще разъ ломить стѣну лбомъ.

27 сентября. Ненастная погода, стоявшая послѣдніе дни, заставила всѣхъ насъ обратить больше вниманія на свои жилища. Вотъ почему на всѣхъ концахъ лагеря замѣчались земляныя работы: всѣ углубляются въ землю, какъ кроты, и лагерь нашъ обогатился за эти дни всевозможными образцами „первобытныхъ жилищъ“. Кто выкопалъ себѣ просто землянку, кто обшилъ палатку цыновками, а кто настлалъ и тесовую крышу.

Для караула также выстроена будка. И вотъ, только что было всё устроились, узнаёмъ новость, что на дняхъ перейдемъ въ Петрошаны, повидимому уже на зимовку. Жаль, что этого не знали нѣсколькими днями ранѣе. Многіе у насъ заворчали на эту новость. Близость Журжева, почты, телеграфа и, наконецъ, самого Бухареста суть неоспоримыя преимущества здѣшней нашей стоянки. Но все-таки нельзя не радоваться, что мы перейдемъ въ обитаемое мѣсто, гдѣ можно будетъ уютнѣе устроиться на предстоящую зиму. Новость о переводѣ нашемъ въ Петрошаны привезъ лейтенантъ Скрыдловъ, вернувшійся изъ Турна.

Передъ обѣдомъ я сдѣлалъ прогулку до шоссе, гдѣ остановился до завтра миноносный катеръ лейтенанта Филисова. Я засталъ его вмѣстѣ съ командой на привалѣ, около колодца. Матросики разложили здѣсь костры и варили чай. Здѣсь же поблизости расположились подводы и буйволы, которые завтра будутъ тащить катеръ. Выпивъ кружку чая на этомъ бивакѣ, я еще присутствовалъ при забавной охотѣ матросовъ за „вольными“ буйволами, хозяева которыхъ—румыны—думали было дать тягу отъ катера. Но ихъ удалось остановить въ этомъ бѣгствѣ и буйволовъ съ торжествомъ приволокли назадъ, кого за хвостъ, а кого за рога.

Сегодня турки продолжали свою салютационную стрѣльбу, при чемъ имъ отъ насъ отвѣтили нѣсколькими снарядами, и перестрѣлка длилась съ полчаса времени.

30 сентября. Несмотря на всё согрѣвающія средства, мы начали было совсѣмъ коченѣть и отсырѣвать въ нашихъ палаткахъ-землянкахъ, когда, наконецъ, проглянуло солнышко, озолотившее своими лучами вершины дубовъ. Это сразу улучшило наше унылое настроеніе. За обѣдомъ узнали мы важную для насъ новость. Получена депеша отъ начальника штаба Наслѣдника Цесаревича, генерала Ванновскаго: „по приказанію Его Высочества командующаго Руцукскимъ отрядомъ, вслѣдствіе сосредоточенія турецкихъ силъ у Пиргоса, Гвардейскому экипажу предписывается переправиться чрезъ Дунай, въ деревню Батинъ, гдѣ на него возлагается успѣшное окончаніе моста, а также участіе въ защитѣ позицій въ случаѣ нападенія на нашъ лѣвый флангъ“. Теперь мы должны безъ замедленія выступать въ Петрошаны.

1 октября. Погода, слава Богу, совсѣмъ поправилась: день сегодня ясный и совершенно лѣтній, отъ мокрыхъ палатокъ повалилъ паръ и онѣ быстро побѣлѣли подъ теплыми лучами солнца. Въ лагерьъ идутъ дѣятельныя приготовленія къ

походу: пополняются запасы патроновъ и фуража. Вечеромъ въ нашемъ столовомъ баракѣ былъ сваренъ глинтвейнъ въ честь нашего отряднаго начальника генерала Аллера и его штаба, съ которыми мы завтра расстаемся.

2 октября. Насъ разбудили съ разсвѣтомъ и тотчасъ начали сниматься съ лагеря, что представляло не мало работы. Мы беремъ съ собою, кромѣ палатокъ, и другіе строевые матеріалы: лѣсъ и цыновки. Баракъ нашъ тоже разобрали. Въ 9-мъ часу все было уже нагружено на повозки и подводы и роты выстроились на плацу со знаменемъ и музыкой. Генераль Аллеръ простился съ нами, и мы двинулись по шоссе въ боевомъ порядкѣ; за нами тянется довольно длинный обозъ, часть его составляютъ подводы на волахъ, нагруженные офицерскимъ добромъ. Съ шоссе мы скоро свернули влѣво и направились къ деревнѣ Малу-Дежось; она расположена на берегу обширнаго болота, которое теперь почти совершенно высохло, но весною затопляется Дунаемъ, такъ что здѣсь спускались даже на воду въ прошлую весну наши паровые катера. Около этого мѣста и сейчасъ стоитъ миноносный катеръ лейт. Филисова, но онъ еще далеко не на водѣ, а стоитъ на биндюгахъ около опасной насыпи и ждетъ, чтобы его протасили дальше. Эту работу предполагалось возложить на насъ, но теперь, съ нашимъ уходомъ отсюда, дѣло это, пожалуй, опять затянется на неопредѣленное время. Мы сдѣлали здѣсь первый привалъ около полудня и лейт. Филисовъ угостилъ насъ чѣмъ Богъ послалъ. Передохнувши нѣсколько, двинулись мы далѣе, имѣя все время великолѣпный видъ на нагорный берегъ Дуная и на Рушукъ, который отсюда гораздо живописнѣе, чѣмъ изъ Журжева, и сверкаетъ бѣлизною своихъ многочисленныхъ минаретовъ и городскихъ построекъ. Около 5-ти часовъ пополудни прибыли мы въ большое село Парапаны и, пробравшись съ трудомъ чрезъ невылазную грязь, остановились около каменной сельской церкви, крытой бѣлою жестию. Здѣсь команда стала лагеремъ, а мы, благодаря гостепріимству знакомыхъ саперныхъ офицеровъ, подпоручика Злобина и Бѣляевского, очень удобно размѣстились въ обширномъ помѣщичьемъ домѣ, напротивъ церкви. Здѣсь, въ Парапанахъ находится гальваническая минная станція нашего загражденія на Дунаѣ подъ наблюденіемъ названныхъ офицеровъ.

3 октября. Проснувшись съ разсвѣтомъ, узнали мы о тревогѣ, происшедшей ночью между Слободзеей и Малу-Дежось. Четыре турецкія баржи подошли было къ нашему берегу съ де-

сантомъ, который пытался сдѣлать высадку, но былъ встрѣченъ и отбитъ залпами нашей пѣхотной цѣпи и подоспѣвшихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ. Въ 7-мъ часу утра выступили мы изъ Парапанъ, при чемъ мнѣ выпало командованіе аріергардомъ, — самое утомительное мѣсто на маршѣ. Погода установилась чудесная, совершенно лѣтняя, и въ воздухѣ носятся безчисленныя паутинныя нити, предвѣщающія, говорятъ, вѣдро. Послѣ привала у деревни Гаужаны стали мы приближаться къ цѣли нашего перехода, Петрошанамъ. Всѣ эти прибрежныя села расположены на краю болѣе возвышенной равнины, на границѣ весенняго разлива Дуная. Въ остальное время года ихъ отдѣляетъ отъ рѣки довольно широкая болотистая долина, въ испареніяхъ которой заключается главная причина свирѣпствующихъ здѣсь злокачественныхъ Дунайскихъ лихорадокъ. Около 2-хъ час. дня вступили мы съ музыкой въ широко раскинувшееся село Петрошаны, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчали мы знакомыя лица нашихъ молодцовъ Свѣтланцевъ, но только сильно измѣнившіяся и изнуренныя отъ лихорадокъ. Какъ я уже говорилъ, двѣ роты нашего экипажа перешли сюда еще въ половинѣ августа, гдѣ подъ начальствомъ кап.-лейт. Тудэра принимали дѣятельное участіе въ подготовленіи матеріаловъ для новаго моста, предназначавшагося для Руцукскаго отряда. Первое время онѣ жили на совершенно дикомъ островѣ Батинѣ и только въ послѣдствіи перебрались въ самое село, отстоящее отъ берега Дуная на нѣсколько верстъ, почти напротивъ болгарскаго Батина. Размѣстивши свою команду, отправились мы по приглашенію товарищей, офицеровъ 2-й и 3-й ротъ, обѣдать въ ихъ каютъ-компанію. Она помѣщается среди села въ довольно просторномъ домѣ, служившемъ ранѣе резиденціею здѣшняго арендатора; здѣсь, въ большой горницѣ установленъ длиннѣйшій столъ, за которымъ едва умѣщается теперь все наше офицерство. Послѣ обѣда разбрелись мы по селу искать себѣ квартиры, что представляло не мало затрудненій, такъ какъ мѣстные жители не особенно охотно впускали насъ осматривать свои хаты. Наконецъ нашлась для насъ подходящая хата, которую мы и заняли вдвоемъ съ гардемаринѣмъ Аренсомъ почти съ бою. Опишу ее въ краткихъ чертахъ. Хата, какъ и всѣ другія въ румынскихъ деревняхъ, напоминаетъ наши малороссійскія; она глинобитная, снаружи выбѣлена и крыта тростникомъ. Единственная входная дверь ведетъ въ довольно большую горницу съ полатами и очагомъ, надъ которымъ устроенъ навѣсъ для выхода дыма; русскихъ печей здѣсь не знаютъ. Эта первая горница и служить

жилымъ помѣщеніемъ для крестьянской семьи. Изъ нея дверь ведетъ въ другую горницу, болѣе просторную и свѣтлую, освѣщаемую однимъ (иногда и двумя) оконцемъ. Эту горницу мы избрали своимъ жильемъ, прельстившись ея просторностью, хотя одно маленькое окошечко освѣщаетъ ее довольно скуднымъ свѣтомъ. Одна половина глинобитнаго пола этой горницы выше другой и на ней мы устроили свою спальню. На главной стѣнѣ, напротивъ двери здѣсь устроена длинная рѣзная полка, уставленная домашнею посудой и принадлежностями женскаго рукодѣлья; надъ этою полкою виситъ икона и гирлянда изъ какой-то пахучей травы, а вдоль нея развѣшаны симметрично глиняныя кружечки. Такое украшеніе можно встрѣтить въ любой румынской хатѣ и кружечки эти имѣютъ нѣкоторое символическое значеніе, соотвѣтствуя численности хозяйской семьи. Замѣчу, что эта вторая горница, которую мы заняли, составляетъ какъ бы парадную часть хаты, въ которой никогда не живутъ хозяева, даже зимою, а пользуются ею только въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. для крестинъ, свадебъ и т. п. Такова наша новая обстановка; еще неизвѣстно, долго ли мы здѣсь пробудемъ, пользуясь такимъ комфортомъ. Кап. 2 р. Новосильскій сегодня поѣхалъ въ Турнъ къ Великому Князю Алексѣю Александровичу, котораго ожидаютъ сюда, и тогда должно все опредѣлиться.

7 октября. Съ 5-го октября насъ стали назначать съ командой на работы по вколачиванію свай для части моста между островомъ Батынымъ и непріятельскимъ берегомъ. Весь вчерашній день съ 6-ти часовъ утра провелъ я на берегу Дуная, будучи дежурнымъ по работамъ на мосту. Съ разсвѣтомъ выѣхалъ я со двора на недавно приобрѣтенномъ мною осликѣ, который здѣсь оказывается очень полезнымъ, такъ какъ сообщенія по селу очень затрудняются для пѣшеходовъ невылазною грязью, а также большимъ изобиліемъ свирѣпыхъ собакъ. Миновавъ село, спустился я къ рукаву Дуная, чрезъ который перекинуть мостъ; далѣе по равнинѣ, затопляемой въ половодье, строится шоссированная насыпь вплоть до главнаго русла рѣки. На самомъ берегу расположенъ большой артиллерійскій складъ и здѣсь же находится станція нашихъ миноносныхъ катеровъ, начальникомъ которой назначенъ лейтенантъ А. М. Бутаковъ. Офицерами у него: лейт. Глазенапъ и мичманы Ниловъ и Меньшиковъ. Здѣсь же находится лейт. Никоновъ со своею командою пловцовъ. И офицеры, и команда устроили себѣ жилье въ порожнихъ артиллерійскихъ баракахъ и землянкахъ. Вдоль бе-

рега построены пристани для паровых катеровъ, которыхъ здѣсь всего 6, но изъ нихъ только одинъ катеръ съ Императорской яхты „Держава“ можетъ считаться удовлетворительнымъ по быстроходности. Ежедневно одинъ изъ катеровъ этихъ поочередно отправляется на суточное дежурство къ минному загражденію противъ Парапанъ, гдѣ также постоянно дежурятъ саперы при гальваническихъ батареяхъ. Впрочемъ, въ загражденіи, кромѣ гальваническихъ минъ, есть и опасныя самовзрывающіяся мины Герца. Прибывши сюда, я распредѣлилъ команду по работамъ: часть осталась на берегу для вязки и сплавленія плотовъ, а другая, ббольшая часть, переправилась со мною на понтонъ на островъ Батинъ. Воды Дуная за послѣднее время очень поднялись отъ проливныхъ дождей, и теченіе здѣсь очень сильное. Въ то время, какъ мы высадились на Батинъ и чрезъ лѣсную чащу направились къ дорогѣ, собиравшееся съ утра ненастье разразилось проливнымъ дождемъ. Вскорѣ выбрали мы на строящуюся шоссейную дорогу, которая будетъ соединять обѣ части Батинскаго моста и имѣетъ около двухъ верстъ длины. Здѣсь заняты работою мѣстные болгаре-поселяне, которые въ своихъ бѣлыхъ башлыкахъ скорѣе похожи на какихъ-нибудь дикихъ азіатовъ. Къ тому же они относились очень равнодушно къ привѣтствію нашихъ матросовъ: „здорово, братушки!“ Наконецъ, послѣ поворота дороги влѣво, вышли мы на противоположную сторону острова, откуда начинается строящійся свайный мостъ. Собственно весь мостъ долженъ былъ быть понтонный, но въ виду крайне мелкаго дна рѣки у южнаго берега острова потребовалась свайная постройка въ этой его части. Теперь идетъ работа по вбиванію свай копромъ у турецкаго берега; туда я и переправился съ командой, когда дождь нѣсколько уменьшился. Здѣсь мѣстность имѣетъ чрезвычайно дикій, гористый характеръ. Весь островъ Батинъ покрытъ лѣсною чащей старыхъ ивъ, тополей и кустарника и до постройки моста былъ вовсе непроходимъ. По окончаніи работъ я вызвалъ сигналомъ дежурную шлюпку, на которой переправился на станцію катеровъ, гдѣ и пообѣдалъ въ баракѣ у товарищей офицеровъ. Около 3-хъ часовъ прибылъ сюда Великій Князь Алексѣй Александровичъ со свитой верхами, на пути въ главную квартиру Наслѣдника Цесаревича. Какъ слышно, эта поѣздка Великаго Князя рѣшить вопросъ о нашей окончательной стоянкѣ,—перейдемъ ли мы въ Батинъ, или останемся въ Петрошанахъ. Вернулся я съ работъ на Дунаѣ уже вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ. За ужиномъ въ нашей каютъ-ком-

паніи обсуждались послѣднія новости: получено извѣстіе о рѣшительной нашей побѣдѣ на Кавказѣ, при чемъ взято нами въ плѣнъ 4 дивизіи, нѣсколько пашей и орудій. Толковали также о предстоящихъ боевыхъ наградахъ нашимъ Черноводскимъ мичманамъ¹⁾. Какъ я уже упоминалъ, они вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ отличились 23 сентября при спускѣ брандеровъ на турецкій мостъ у Силистріи. Пріѣхавшій сегодня изъ Турна мичманъ Ѳ. Стемманъ привезъ извѣстіе, что наши оба монитора (бывшіе турецкіе) наконецъ вполнѣ исправлены и пошли на пробу своихъ машинъ.

11 октября. Еще 8-го вернулся въ Петропаны Великій Князь Алексѣй Александровичъ и пока извѣстно, что мы остаемся здѣсь на неопредѣленное время и переправа наша на болгарскій берегъ еще остается подѣломъ. Впрочемъ, существенной разницы въ этомъ нѣтъ, такъ какъ главнымъ нашимъ назначеніемъ во всякомъ случаѣ будетъ наводка и охрана Батинскаго моста. Наше воинственное настроеніе находитъ нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что время подвиговъ на Дунаѣ повидимому еще не миновало: доказательствомъ тому служить блестящее Сулинское дѣло, имѣвшее мѣсто на этихъ дняхъ, и давшее, говорятъ, поводъ Государю назвать моряковъ *утѣшителями*. Сегодня, сидя въ своей хатѣ влѣдствіе легкой простуды, имѣлъ я совершенно неожиданное и пріятное посѣщеніе Великаго Князя Сергѣя Александровича, пріѣхавшаго къ намъ сюда изъ главной квартиры Наслѣдника Цесаревича въ Брестовцѣ, куда онъ сегодня же возвращается. Я не видѣлся съ Великимъ Княземъ болѣе двухъ лѣтъ и нашелъ его чрезвычайно возмужавшимъ и сохранившимъ при этомъ свою прежнюю пріятливость и особенную, свойственную ему серьезность и вдумчивость. Этому пріятному посѣщенію я былъ обязанъ Великому Князю Константину Константиновичу, который, узнавши, что я нездоровъ и не выхожу, предложилъ Великому Князю Сергѣю Александровичу посѣтить меня вмѣстѣ съ нимъ. Высокіе гости съ любопытствомъ разсматривали нашу хату, которой мы успѣли придать болѣе жилой видъ, украсивши стѣны нашей комнаты оружіемъ, картами театра войны и портретами. — Не правда ли, какъ оригинально встрѣтиться съ вами здѣсь, въ румынской хатѣ? — сказалъ мнѣ Великій Князь. Принявъ отъ насъ скромное угощеніе, состоявшее изъ румынскихъ „*дульчиць*“ (сладостей) и стараго венгерскаго, Великіе Князья провели

¹⁾ Кн. Оболенскому, кн. Щербатову и Эбелингу.

въ нашей хатѣ около часу времени, разспрашивая меня о подробностяхъ нашей боевой жизни. Завтра, вернувшись въ Брестовець, Великій Князь Сергій Александровичъ приметъ участіе въ усиленной рекогносцировкѣ, предпринимаемой въ Руцукскомъ отрядѣ Цесаревича къ Кады-кію, который мы надѣемся при этомъ занять. Сулейманъ-паша опять куда-то исчезъ и предполагаютъ, что онъ, можетъ быть, направился противъ корпуса Циммермана. Эта рекогносцировка будетъ для Великаго Князя первымъ его участіемъ въ боевомъ дѣлѣ. Великій Князь заинтересовался вопросомъ, успѣваю ли я читать, и общалъ прислать мнѣ нѣсколько интересныхъ книгъ, которыя самъ недавно прочелъ (Путешествіе въ Хиву англійскаго офицера *Burnaby* и біографію дофина, сына Людовика XV).

13 октября. Вчера все утро слышна была сильная канонада на томъ берегу, что имѣетъ, вѣроятно, отношеніе къ предпринятой Руцукскимъ отрядомъ рекогносцировкѣ къ Кады-кію. Сегодня къ вечеру дошла до насъ скорбная вѣсть о смерти Герцога Лейхтенбергскаго Сергія Максимиліановича, убитаго напояль пулей въ лобъ во время рекогносцировки 12-го числа. Онъ былъ въ свитѣ Наслѣдника Цесаревича и находился отъ него всего въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ. Подумаешь, что та-же опасность угрожала и Цесаревичу! Наши Великіе Князья Алексій и Константинъ уѣхали уже въ Брестовець проститься съ тѣломъ усопшаго Герцога; за ними послѣдовалъ и флигель-адъютантъ Головачевъ. Гробъ заказанъ въ Бухарестѣ. Тѣло доставить въ Петербургъ адъютантъ Цесаревича, кн. В. А. Батинскій.

Этотъ грустный эпизодъ произвелъ, конечно, у насъ тяжелое впечатлѣніе, умѣрявшееся лишь утѣшительными вѣстями, полученными съ Кавказскаго театра войны, а именно о рѣшительной побѣдѣ, одержанной генералами Гейманомъ и Лазаревымъ при Авліарѣ, гдѣ Мухтаръ-паша разбитъ на-голову и потери его громадны. Говорятъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ получилъ Георгія 1-й степени, награду соотвѣтствующую важности этой побѣды, которою война на Кавказѣ, можно сказать, закончена. Дай-то Богъ и здѣсь счастливо покончить съ Плевной и тогда, кто знаетъ, не закончится ли и здѣсь война еще до весны? А пока что, мы, кажется, окончательно осѣдаемъ въ Петропанахъ: команда уже роетъ землянки и о переходѣ въ Батинъ уже не говорятъ. На этихъ дняхъ нашъ старшій докторъ В. С. Кудринъ произвелъ рекогносцировку съ медицинской точки зрѣнія въ Батинъ и убѣдился, что дома тамъ низки,

неудобны и нездорово было бы тамъ жить при большой скученности. Къ тому-же и существенной разницы въ военномъ отношеніи между Петрошанами и Батинымъ нѣтъ. Итакъ, мы здѣсь, кажется, и зазимуемъ.

15 октября. Изъ-за Дуная пришло утѣшительное извѣстіе объ удачномъ для насъ дѣлѣ подъ Плевной, въ которомъ участвовала главнымъ образомъ гвардія: 4.000 турокъ съ нашей и обозъ взяты въ плѣнъ. Всѣ редуты въ тылу Плевны отняты у турокъ и наши сильно окопались на Софійской дорогѣ, такъ что Плевна наконецъ совсѣмъ окружена и рано или поздно должна пасть. Извѣстія эти сообщилъ пріѣхавшій изъ главной квартиры флигель-адъютантъ Тудэръ: онъ привезъ оттуда нѣсколько боевыхъ наградъ нашимъ офицерамъ, между которыми самая выдающаяся пожалованный Великому Князю Константину Константиновичу Георгій 4-й степени за спускъ брандеровъ подъ Силистріей. Сегодня дотащился наконецъ съ помощью рутьеровъ до Петрошанъ миноносный катеръ лейтенанта Берхмана, но до Дуная все-таки еще не достигъ окончательно. Мостъ черезъ рукавъ Дуная не можетъ выдержать тяжести катера и надобно придумать другой способъ дотащить его до спуска. Что же касается другого катера, лейтенанта Филисова, который мы оставили около Малу-Дежось, то ему уже совсѣмъ не повезло. Попытка спустить его на болотистую лагуну, соединяющуюся съ Дунаемъ, не удалась: катеръ свалился на бокъ и до подъема воды его нельзя будетъ сдвинуть съ мѣста.

18 октября. Еще звучить въ ушахъ мотивъ похороннаго марша, который намъ пришлось слышать нѣсколько дней подъ рядъ. У насъ здѣсь стали ежедневно умирать матросы: кто отъ лихорадки, а кто отъ дизентеріи, и похороны вошли какъ бы въ обычай. А вчера, наконецъ, происходили болѣе торжественные проводы тѣла Герцога Лейхтенбергскаго Сергія Максимиліановича. Около полудня Гвардейскій экипажъ въ полномъ составѣ, со знаменемъ и музыкой, выступилъ изъ села, направляясь къ Дунаю. Около того мѣста, гдѣ уже почти закончена наводка понтоннаго моста до острова Батина, наши роты составили ружья, и прошло часа три въ ожиданіи. Великій Князь Алексѣй Александровичъ тоже прибылъ сюда въ сопровожденіи лейтенанта кн. Я. И. Шаховскаго, верхами, а новый георгіевскій кавалеръ, Великій Князь Константинъ Константиновичъ находился во фронтѣ. Наконецъ, около 4-хъ часовъ пополудни, прибылъ на миноносномъ катерѣ „Шутка“ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи Великихъ Князей Владиміра и Сергія

Александровичей и свиты. Всѣ они, поздоровавшись съ экипажемъ, сѣли на коней. Вскорѣ затѣмъ отъ турецкаго берега, на которомъ показались наши войска, провожавшія покойнаго Герцога, отвалилъ паровой катеръ, ведя на буксирѣ траурный паромъ, на которомъ поставленъ былъ гробъ. Другіе 5 паровыхъ катеровъ съ приспущенными флагами сопровождали его. Великіе Князья встрѣтили гробъ на пристани и вынесли его на рукахъ вмѣстѣ съ прибывшими на траурномъ паромѣ Герцогомъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ и двумя ординарцами Конногвардейскаго полка, въ которомъ числился покойный. Гробъ поставленъ былъ на орудійный лафетъ, запряженный 6-ю лошадьми. Подъ торжественные звуки „Коль славенъ“, двинулось похоронное шествіе. Наши матросы-гвардейцы въ своихъ синихъ голландкахъ, обшитыхъ желтыми тесьмами, вели лошадей, запряженныхъ подъ лафетъ, подъ уздцы. Гробъ покрытъ былъ походною шинелью покойнаго. За нимъ слѣдовали ординарцы Коннаго полка, поручики Фелицынъ и Максимовичъ и Великіе Князья, а за ними и нашъ батальонъ, при чемъ музыка заиграла похоронный маршъ. Въ Петрошанахъ къ печальному шествію присоединился эскадронъ Изюмскихъ гусаръ, которые будутъ сопровождать гробъ до Фратешти. За позднимъ временемъ дальнѣйшее слѣдованіе тѣла отложено было до утра и гробъ при почетномъ офицерскомъ караулѣ отъ Гвардейскаго экипажа поставленъ былъ возлѣ здѣшней небольшой сельской церкви. Сегодня рано утромъ траурное шествіе двинулось далѣе: весь Изюмскій гусарскій полкъ, прибывшій сюда въ ночь, сопровождаетъ его до желѣзной дороги. До Петербурга поѣдетъ съ гробомъ кн. В. А. Бяратинскій. Цесаревичъ съ Великими Князьями Владиміромъ и Сергѣемъ Александровичами переночевали у насъ въ Петрошанахъ и сегодня вернулись за Дунай. Великій Князь Сергѣй Александровичъ, пріавшій на-дняхъ свое боевое крещеніе, имѣетъ бодрый видъ и, какъ мнѣ показалось, серьезное, сосредоточенное выраженіе. По разсказу князя Бяратинскаго, Великій Князь во время послѣдней рекогносцировки у Кады-кюя побывалъ въ сильномъ непріятельскомъ огнѣ: около него упало 6 гранатъ и разорвало зарядный ящикъ. Окружающими было замѣчено при этомъ, какъ спокойно и бодро держалъ себя Великій Князь подъ огнемъ. Сегодня слышалъ я отъ одного раненаго подъ Плевной офицера, обѣдавшего у насъ по пути въ Россію, опредѣленіе храбрости, которое показалось мнѣ оригинальнымъ и можетъ быть отчасти вѣрнымъ.—По моему мнѣнію, храбрость,—сказалъ онъ,—есть перевѣсъ чувства

самолюбія надъ чувствомъ самосохраненія (трусостью).—На это, однако, можно возразить, что храбрыми людьми обыкновенно руководить и сознаніе долга, что конечно, благороднѣе, чѣмъ мотивъ личнаго самолюбія.

20 октября. Вчера цѣлый день находился я съ командою на работѣ по наводкѣ моста: спускали на Дунай понтоны и грузили на нихъ якоря. Погода вполне благоприятствуетъ наводкѣ моста и онъ на дняхъ будетъ готовъ. Вернувшись съ работъ, я обѣдалъ по приглашенію у Великаго Князя Алексѣя Александровича. За столомъ вспоминали различные эпизоды плаванія на „Свѣтланѣ“.

23 октября. Только что возвратился я изъ поѣздки верхомъ въ Зимницу, гдѣ провелъ сутки очень пріятнымъ образомъ у Свѣтланскихъ товарищей. Выѣхалъ я вчера изъ Петрошанъ рано утромъ, пользуясь хорошею погодою. Весьма однообразная и скучная дорога представляла на низкихъ мѣстахъ невылазную грязь: она проходитъ узкою полосою между высокимъ весеннимъ берегомъ Дуная и топкимъ болотомъ, поросшимъ кустарникомъ. Около большого села Бошоръ я проѣхалъ по плохому мосту чрезъ весьма маловодный теперь притокъ Дуная, рѣку Веде; далѣе начинается длинная гать, гдѣ лошадь моя съ трудомъ пробиралась чрезъ тонкую грязь. Послѣ двухъ приблизительно верстъ такой плохой дороги, она становится нѣсколько лучше, поднимаясь на холмистую возвышенность. По пути проѣзжалъ я еще три деревни: Скаести, Вераску и Зимничеллу. Въ этой послѣдней открывается уже видъ на живописно расположенный на турецкомъ берегу Систовъ, бѣлые минареты котораго рѣзко выступаютъ на темномъ фонѣ горнаго кряжа. Между Зимничеллой и Зимницей расположено теперь нѣсколько полевыхъ госпиталей Краснаго Креста. Длинные вереницы подводъ, запряженныхъ буйволами, группировались здѣсь вокругъ госпитальныхъ палатокъ; подводы эти переполнены нашими ранеными солдатами, по росту судя, гвардейцами; это очевидно герои послѣднихъ кровопролитныхъ дѣлъ подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Раненыхъ здѣсь виднѣлось по меньшей мѣрѣ челоуѣкъ съ пятьсотъ: одни сидя, другіе лежа, терпѣливо ждали своей очереди, чтобы получить перевязку и подкрѣпиться пищею. Подумаешь, какъ недостаточна челоуѣческая помощь, хотя бы и удовлетворительно организованная, при такой массѣ страдальцевъ! Оставивъ Зимницу въ сторонѣ, я спустился ближе къ Дунаю и переѣхалъ небольшой свайный мостъ чрезъ рукавъ рѣки; у вѣзда на него стоятъ часовые: нашъ и румынскій.